СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XLI, № 1.

ОТЧЕТЪ

О ТРЕТЬЕМЪ

ПРИСУЖДЕНІИ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1886 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОТЧЕТЪ
О ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ
въ 1886 году

(Читанный въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1886 года предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Я. К. Гротомъ.)

Въ настоящемъ конкурсномъ году Академіи Наукъ представился не часто встрѣчающійся въ лѣтописяхъ присужденія наградъ случай увѣнчать разомъ три поэтическія произведенія.

Изъ пяти поступившихъ на соисканіе трудовъ два оказались неподходящими подъ правила Пушкинской преміи, не въ отношеніи къ ихъ литературному достоинству, а потому, что со времени ихъ изданія прошло болѣе трехъ лѣтъ, чего не допускаютъ помянутыя правила.

Затѣмъ разсмотрѣнію подлежали: 1) переводъ въ стихахъ трагедіи «Макбетъ», сдѣланный въ Москвѣ С. А. Юрьевымъ; 2) стихотворные же переводы Н. П. Семенова изъ Мицкевича, и 3) собраніе стихотвореній С. Я. Надсона.

Согласно съ положеніемъ о Пушкинскихъ преміяхъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности обратилось къ доценту польской литературы въ Варшавскомъ университетѣ Ѳедору Францовичу Вержбовскому съ просьбою разсмотрѣть переводы изъ

Мицкевича; составленіе рецензіи перевода «Макбета» поручено было академику А. Н. Веселовскому, разборъ же стихотвореній г. Надсона принялъ на себя одинъ изъ нашихъ поэтовъ, но за недоставленіемъ имъ отзыва въ назначенный срокъ разборъ этотъ написанъ составителемъ настоящаго отчета. Въ комиссію, которой предлежало произнести окончательный судъ объ этихъ трудахъ, приглашены были Отдѣленіемъ литераторы: В. П. Гаевскій, А. Д. Галаховъ, Я. П. Полонскій и Н. Н. Страховъ. По прочтеніи доставленныхъ отзывовъ и вслѣдствіе бывшаго затѣмъ обмѣна мыслей, комиссія присудила всѣмъ тремъ соискателямъ по половинной преміи (въ 500 р. каждая).

Начнемъ съ оцѣнки перевода Шекспировой трагедіи.

I.

Для выполненія своей задачи А. Н. Веселовскій не удовольствовался разсмотрѣніемъ одного нынѣ представленнаго въ Академію перевода «Макбета», но подвергъ его тщательному сравненію съ другими, уже прежде имѣвшимися на русскомъ языкѣ переводами знаменитой трагедіи.

«Макбетъ», такъ начинаетъ критикъ, былъ не разъ переводимъ у насъ съ подлинника: Ротчевымъ (1830), Вронченкомъ (1837), Кетчеромъ (1842), Лихонинымъ (1854), Ѳ. Устряловымъ (1862), Кронебергомъ (1862) и Соколовскимъ (1884). Недавно С. А. Юрьевъ, уже испытавшій свои силы надъ переводомъ «Короля Лира» (1882), подарилъ насъ и новой передачей Макбета: задача заманчивая, ибо ни одинъ изъ существовавшихъ дотолѣ переводовъ не удовлетворялъ всестороннимъ требованіямъ, которыя могутъ быть къ нимъ предъявлены, и вмѣстѣ задача не легкая. Недостаточно овладѣть языкомъ Шекспира, проникнуться духомъ его произведенія, восчувствовать его поэтическія красоты: надо умѣть бороться съ нимъ, похитить у него тайну впечатлѣнія, которое онъ производитъ; переводъ долженъ его воспроизвести. Онъ можетъ быть близокъ

къ буквѣ подлинника, можетъ быть красивъ съ точки зрѣнія стихотворной; но не достигнетъ цѣли безъ той борьбы, безъ завладѣнія той тайной. Въ чемъ она состоитъ — это дѣло настолько же изученія, насколько поэтическаго переживанія въ душѣ переводчика-художника.

Сравнивая между собой существующіе русскіе переводы «Макбета», говоритъ г. Веселовскій, не трудно составить себѣ понятіе, какъ относятся у насъ вообще къ передачѣ классическихъ поэтовъ, особливо стихотворной, и какъ низокъ у насъ уровень переводческой традиціи, давно упроченной въ Германіи — для Шекспира переводами Шлегеля-Тика и др., для Камоэнса — Шторкомъ и т. д. У насъ переводчикъ нерѣдко заслоняетъ собою поэта, котораго онъ хочетъ передать; въ угоду своему стиху опускаетъ его стихъ, мѣняетъ размѣръ, развиваетъ и сокращаетъ текстъ по усмотрѣнію. Кажется иногда, что переводы одного и того же шекспировскаго эпизода сдѣланы не съ одного и того же текста, болѣе или менѣе установленнаго, а съ разныхъ передѣлокъ или сценическихъ приноровленій шекспировскихъ пьесъ, какихъ много въ Германіи. Но дѣло объясняется проще: слишкомъ легкимъ отношеніемъ переводчиковъ къ ихъ задачѣ.

Не думая примѣнять этого строгаго упрека во всемъ его объемѣ къ новѣйшему переводчику «Макбета«, рецензентъ указываетъ однакожъ на слабыя стороны въ его переложеніи и между прочимъ останавливается на 1-й сценѣ I-го дѣйствія, откуда приводитъ слѣдующій разговоръ вѣдьмъ:

1-я вѣдьма.

Когда жъ слетимся мы опять втроемъ
Съ громами, въ блескѣ молній и съ дождемъ?

2-я вѣдьма.

Когда вся суматоха прекратится,
Побѣдой полной битва завершится.

3-я вѣдьма.

А сбудется все это, совершится,
И солнце не успѣетъ закатиться.

1-я вѣдьма.

А гдѣ?

2-я вѣдьма.

Вонъ тамъ, гдѣ верескомъ одѣта
Пустыни гладь.

3-я вѣдьма.

Чтобъ видѣть тамъ Макбета.

1-я-вѣдьма.

Котъ сѣрый, я иду, лечу сейчасъ!

2-я вѣдьма.

Чу, жаба кличетъ!... а?... Примчусь какъ разъ!

Всѣ вмѣстѣ.

Прекрасное — все гниль, а гниль прекрасна!
Летимъ, гдѣ смрадъ, гдѣ мгла, гдѣ высь ненастна!

О переводѣ этого отрывка рецензентъ замѣчаетъ: въ рѣчи 3-й вѣдьмы: «А сбудется все это, *совершится*» — послѣдній глаголъ— лишній, отзывающійся неловкимъ шаржемъ, вызваннымъ потребностью стиха и слишкомъ созвучнымъ къ предшествующему: *завершится*. Слѣдующій затѣмъ вопросъ первой вѣдьмы: «А гдѣ?» оставляетъ насъ въ сомнѣніи, къ чему онъ относится. Въ текстѣ дѣло идетъ о мѣстѣ, *гдѣ* слетятся вѣдьмы (Where the place?). Дальнѣйшая рѣчь третьей вѣдьмы: «Чтобъ видѣть тамъ Макбета» дословно переводитъ текстъ (There to meet with Macbeth), но такъ далека въ русскомъ переводѣ отъ предложенія, отъ котораго она зависитъ, что становится совершенно непо-

нятной. «Котъ сѣрый» отвѣчаетъ Graymalkin, жаба — paddock, что подробно объяснено переводчикомъ въ примѣчаніяхъ къ тексту. «Гниль» не отвѣчаетъ foul въ его сопоставленіи съ fair, которое и должно было бы дать норму для перевода (въ Schlegel-Tieck: Schön ist wüst und wüst ist schön); «высь ненастна» некрасива своимъ усѣченнымъ окончаніемъ.

Далѣе рецензентъ приводитъ одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нашъ переводчикъ ближе другихъ постарался придержаться къ размѣру оригинала и вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ его болѣе точно. Это разсказъ первой вѣдьмы въ 3-й сценѣ I-го дѣйствія.

У жены моряка каштановъ былъ полный передникъ.
И проклятая грызла ихъ, грызла и грызла, все грызла,
«Ну, такъ дай же и мнѣ ты», ввернула я. «Къ чорту ты, вѣдьма!»...
Распаршивая, грязная, жирная крикнула туша,
А мужъ ея — шкиперъ на «Тигрѣ» и отплылъ въ Алеппо!
Туда же за нимъ поплыву я на днѣ рѣшета,
Ударюсь въ догонку и крысою злой, безъ хвоста,
За нимъ поплыву, поплыву, поплыву жъ, поплыву!

Послѣднимъ стихомъ г. Юрьевъ передаетъ трижды повторенное въ подлинникѣ слово: I' ll do, которое нѣмецкіе переводчики Шлегель-Тикъ переводятъ дословно: Ich thu's, ich thu's, ich thu's.

Но кромѣ вѣрности, рецензентъ требуетъ, чтобы переводчикъ, гдѣ нужно, былъ строгъ и въ соблюденіи внѣшнихъ условій, которыя иногда могутъ казаться мелочами, но важны для передачи духа и тона оригинала; таковы между прочимъ размѣръ или сохраненіе риѳмы въ стихахъ, заканчивающихъ монологъ или сцену и т. п. Перебивая собою бѣлые стихи, риѳма является не случайной, а сознательной прикрасой, разсчитанной на лирическій эффектъ. Такъ въ 1-й сценѣ III-го дѣйствія, когда убійцы, посланные за королемъ Дунканомъ, ушли, Макбетъ говоритъ у г. Юрьева:

Все рѣшено! Ну, Банко, если въ небо
Твой духъ паритъ, сегодня будешь тамъ.

Здѣсь отсутствуетъ знаменательная риѳма, которую удержали и Кронебергъ, и Соколовскій; у послѣдняго Макбетъ такъ выражается:

Ну, Банко! если быть
Тебѣ въ раю судила власть Господня,
Въ него пойдетъ душа твоя сегодня!

Шекспировскую риѳму вообще новый переводчикъ не вездѣ сохранилъ, какъ сохранилъ ее въ обращеніи богини волшебства Гекаты къ вѣдьмамъ (д. III, сц. 5), гдѣ онъ постарался приблизиться и къ размѣру подлинника:

Да можно ль не сердиться мнѣ на васъ!
Ахъ, дерзкія вы вѣдьмы, озорныя,
Затѣяли съ Макбетомъ торгъ проклятый,
Загадками, убійствами богатый,
А я, владычица всѣхъ вашихъ чаръ,
Когда всѣ силы зла — мой тайный даръ,
Не позвана ни съ вами потрудиться,
Ни торжествомъ хоть вашимъ насладиться!
А хуже: все на пользу лишь тому
Пойдетъ, кто не покоренъ никому,
Не любитъ васъ и страшно своенравенъ,
Честолюбивъ и мнитъ, что всѣмъ неравенъ,
Готовъ на зло, чтобъ тѣшить лишь себя,
А не для зла! Но все исправлю я! и т. д.

Рецензентъ не считаетъ приведенныхъ образчиковъ достаточными, чтобы мотивировать высказанный выше взглядъ на значеніе и цѣли перевода, ибо онѣ заимствованы изъ эпизодовъ драмы менѣе существенныхъ для оцѣнки переводчика. Иное дѣло быть точнымъ или неточнымъ въ такой напр. сценѣ, какъ

д. IV, сц. 1, когда Макбетъ является къ вѣдьмамъ послѣ убійства Банко и Флинса и перечисляются снадобья изъ дьявольской кухни; иное въ серьезныхъ партіяхъ драмы, напр. въ роляхъ Макбета и его жены. Послѣднія и даютъ мѣрку переводчика, указываютъ на его чувство *стиля*,—третье, еще болѣе серьезное требованіе, чѣмъ вѣрность размѣру и риѳмѣ. Надо умѣть быть тривіальнымъ и поэтомъ заодно съ Шекспиромъ и вмѣстѣ владѣть мѣрой и чувствомъ соразмѣрности того и другого въ его языкѣ и нашемъ современномъ. Много тривіальнаго въ сценахъ вѣдьмъ, и оно должно быть удержано; въ другихъ случаяхъ тривіальное выраженіе перевода является результатомъ слишкомъ дословной передачи буквы, словъ поэта, не разсчитывавшаго на такое именно впечатлѣніе, потому что мѣрка тривіальности съ тѣхъ поръ измѣнилась и намъ часто кажется сознательно-циничнымъ, что́ понималось безсознательно-реально. Эти замѣчанія о стилѣ могутъ быть такъ обобщены по отношенію къ лексикону переводчика: необходима строгая сдержанность въ подборѣ словъ, скорѣе грѣшащая противъ дословности, чѣмъ противъ единства стиля. Нѣсколько примѣровъ, слѣдующихъ далѣе, имѣютъ вообще въ виду лексическія погрѣшности переводчика, откуда бы онѣ ни произошли. Д. I, сц. 2, вначалѣ (въ рѣчи Мэлькольма): sergeant не *сержантъ;* сц. 7 (въ рѣчи Макбета): *перемахнетъ* (черезъ сѣдло), образъ излишне развитый; (лэди Макбетъ): лишь крѣпко *завинти ты силу духа*, что́ близко къ тексту, но комично; д. II, сц. 1: мѣсяцъ *сѣлъ*, *садится*; ib. сц. 3: сегодня *ночью*: to-night (сегодня вечеромъ); ib. сц. 4: страхъ новичка, «который не *набилъ себѣ привычки*». Д. IV, сц. 2: (Россъ) *спокойся* (= успокойся) и *нашколь* сама себя = *school* yourself: созвучно, но не вѣрно и банально; образцы тривіальности, вдобавокъ не достигающей своей цѣли, ибо по-русски она не понятна. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, «*молочная харя*» (cream-faced), «*щеки полотняныя*» (linen-cheeks); «*творожная харя*» (whey-face)? — Соколовскій и Кронебергъ избѣжали здѣсь дословности.

Многіе изъ недочетовъ, собранныхъ въ предыдущемъ сопоставленіи, объясняются чрезмѣрнымъ желаніемъ переводчика спасти, насколько возможно, букву подлинника. Его стремленіе — приравниться къ оригиналу, передавъ намъ въ самомъ дѣлѣ текстъ Шекспира, должно быть вмѣнено ему въ особое достоинство, которымъ его предшественники мало отличались. Результаты его борьбы съ оригиналомъ выходятъ иногда очень удачные. Такъ напр. въ д. I, сц. 1. Въ какомъ положеніи находилась битва, когда ты оставилъ её? спрашиваетъ Дунканъ раненаго воина:

Г. Юрьевъ переводитъ:

Въ сомнительномъ, король,
Какъ двухъ пловцовъ, которые, сцѣпясь
Другъ съ другомъ, выбившись изъ силъ, другъ друга
Искусныя усилья подрываютъ.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ воина есть также мѣста, лучше и ближе переведенныя, чѣмъ у другихъ. Удачно переведено также a-parte Макбета въ 3-й сценѣ I-го акта, когда, задумавъ умертвить короля Дункана, онъ такъ разсуждаетъ съ самимъ собою:

Заботливость о насъ
Таинственныхъ, нездѣшнихъ силъ не можетъ
Быть зломъ... да и добромъ не можетъ быть!
Коль зло, зачѣмъ такой задатокъ цѣнный,
Зачѣмъ же правдой началося? Я —
Кавдоръ... А ежели добро, зачѣмъ
Столь страшному внушенью поддаюсь,
Что образъ, возникающій въ душѣ,
Вздымаетъ дыбомъ волосы мои
На головѣ и вынуждаетъ сердце,
Столь прочно укрѣпленное въ груди,
Болѣзненно такъ биться и стучать

Такъ неестественно мнѣ въ ребра! О,
Всѣ ужасы дѣйствительности самой
Не такъ страшны, какъ страшенъ образъ ихъ
Въ воображеньи! Мысль моя, въ которой
Убійство — лишь мечта, уже весь міръ
Замкнувшейся въ себя моей природы
Приводитъ въ трепетъ до его основъ
И чувствъ моихъ всѣ отправленья душитъ
Однимъ лишь размышленіемъ о дѣлѣ!
И для меня ужъ существуетъ то,
Чего еще не существуетъ...

Вниманія заслуживаетъ также извѣстное опредѣленіе жизни въ рѣчи Макбета, д. V, сц. 5. Когда ему доносятъ о смерти королевы, его супруги, онъ говоритъ:

Могла бы умереть и позже! Время
Своей чредой успѣло бы настать
И для такого слова! — Завтра, завтра
И завтра! Медленно ползетъ день за́ днемъ
И до послѣдней буквы въ книгѣ жизни;
И наши всѣ *вчера* лишь освѣщали
Глупцамъ путь незамѣтный къ праху смерти!
Такъ гасни жъ, гасни, крохотный огарокъ!—
Жизнь — тѣнь лишь мимолетная! — актеръ
Прежалкій на подмосткахъ: часъ одинъ
Урочный, величаясь, пошумитъ
Иль въ гнѣвѣ грозномъ покричитъ, а тамъ
Пропалъ — его уже не слышно! — сказка
Глупца, неистовствъ полная и грома,
А содержанья никакого.

Впечатлѣнію прекраснаго перевода вредитъ только слово *прежалкій*, сказанное для стиха вм. *жалкій*.

Въ д. IV, сц. 1 хорошо переведенъ хоровой припѣвъ:

Удвояйте, удвояйте трудъ и силу чаръ!
Клокочи котелъ, пылай огонь, взвивайся паръ.

Не всегда, впрочемъ, близость къ тексту Шекспира сопровождается у нашего переводчика другимъ достоинствомъ: достаточной ясностью; первая нерѣдко вредитъ второй; о такихъ эпизодахъ перевода можно сказать: близко, да не ладно. Неладна вышла близость къ тексту въ характеристикѣ сна, д. II, сц. 2: Макбетъ рѣжетъ (?) сонъ,

невинный сонъ,
Который нити спутанныхъ заботъ
Житейскихъ такъ свиваетъ стройно (?), эту
Смерть жизни ежедневной, эту ванну
Для всѣхъ измученныхъ трудомъ, бальзамъ
Для всѣхъ страдающихъ душевной болью,
Вторую перемѣну яствъ роскошныхъ,
Какими насъ природа угощаетъ,
И блюдо лучшее на пирѣ жизни.

«Вторая перемѣна яствъ роскошныхъ» была бы понятна, еслибъ слѣдовало непосредственно упоминаніе пира съ его перемѣнами; Шлегель-Тикъ его и вставили: Den zweiten Gang im Gastmahl der Natur; Кронебергъ и Соколовскій здѣсь обобщаютъ. Еще вопросъ: свивать хотя бы и стройно, спутанное можно только, когда оно предварительно распутано: knits up.

Подобно другимъ переводчикамъ-предшественникамъ, но сравнительно рѣже ихъ, и г. Юрьевъ иногда добивается своего стиха путемъ натяжекъ. Чаще всего онъ сказанное развиваетъ въ одномъ или нѣсколькихъ стихахъ, дозволяя себѣ недолжное употребленіе такъ называемыхъ chevilles, т. е. пополненіе стиха короткимъ словомъ, иногда вовсе не нужнымъ для смысла, но потребнымъ для размѣра; въ тѣхъ же цѣляхъ иногда допущенъ и пропускъ необходимаго слова и невнятное сокращеніе.

Приведя тому нѣсколько примѣровъ, повтореніемъ которыхъ я не буду утомлять Вашего вниманія, рецензентъ приходитъ къ слѣдующему заключенію:

«Высказанныя выше замѣчанія не умаляютъ неоспоримыхъ достоинствъ разобраннаго нами перевода, если не приложить къ нему критерія, котораго не выдержалъ ни онъ, ни другіе, привлеченные нами къ сравненію: критерія поэтическаго. За г. Юрьевымъ остается заслуга болѣе внимательнаго, вдумчиваго отношенія къ шекспировскому тексту и попытка — посильно передать его русскимъ словомъ, не слишкомъ переиначивая. Такіе именно переводы желательны у насъ, гдѣ переводческая дѣятельность еще не спеціализировалась, составляетъ не призваніе, а объектъ легкой заработки. Присудивъ г. Юрьеву пушкинскую премію, Академія поощритъ и появленіе новыхъ попытокъ на его, во всякомъ случаѣ, не легкомъ пути».

II.

Рецензентъ собранія переводовъ г. Семенова изъ Мицкевича задался преимущественно точнымъ сличеніемъ ихъ, стихъ въ стихъ, съ подлинникомъ и исполнилъ эту задачу съ величайшимъ тщаніемъ и добросовѣстностію; но вслѣдствіе того доставленный имъ обширный разборъ состоитъ почти исключительно изъ частныхъ замѣчаній о словахъ и выраженіяхъ съ приведеніемъ выписокъ изъ польскаго оригинала. Во всемъ своемъ объемѣ эта рецензія появится въ печати; здѣсь же, въ виду необходимости сбереженія времени, могутъ быть сообщены только болѣе существенныя ея мѣста и заключительный отзывъ уважаемаго рецензента.

Въ предисловіи къ своему труду переводчикъ сообщаетъ, что онъ ознакомился съ польскимъ языкомъ, благодаря своей службѣ, въ 1850-хъ годахъ, виленскимъ губернскимъ прокуроромъ. Увлеченный поэтическимъ геніемъ Мицкевича, его искусствомъ въ изображеніи природы, г. Семеновъ тогда же сталъ переводить его *крымскіе сонеты*, близкіе намъ по содер-

жанію. Эти переводы впослѣдствіи были переработаны переводчикомъ, отчасти по замѣчаніямъ Н. Н. Страхова, и напечатаны не прежде 1869 г. въ журналѣ *Заря*. Сочувственные о нихъ отзывы въ печати побудили г. Семенова испытать свои силы въ переводахъ и другихъ стихотвореній Мицкевича, особенно его знаменитой поэмы *Конрадъ Валленродъ*, при чемъ онъ пользовался совѣтами покойнаго К. А. Коссовича, который, какъ сказано въ предисловіи, великодушно отрывалъ часы отъ своихъ ученыхъ занятій, чтобы вводить переводчика во всѣ тонкости выраженій польскаго поэта и уяснять особенности его оборотовъ, которые могли быть не совсѣмъ понятны для русскаго. Переводъ названной поэмы стихами представлялъ особыя трудности уже и со стороны формы, вслѣдствіе разнообразія размѣровъ, употребленныхъ въ разныхъ частяхъ поэмы. Извѣстно, что экзаметръ чуждъ польскому силлабическому стиху, а между тѣмъ имъ написана, хотя и не съ полной выдержкой, невозможной на польскомъ языкѣ, входящая въ составъ поэмы *пѣснь вайделота* *). Сначала поэма переводилась по мѣрѣ выхода книжекъ *Зари*, гдѣ она тотчасъ и печаталась; но журналъ послѣ первыхъ двухъ книжекъ 1872 г. прекратилъ свое существованіе, и потому только первые 4 главы *Конрада Валленрода* успѣли въ немъ появиться. Впослѣдствіи г. Семеновъ, окончивъ этотъ трудъ, перевелъ еще изъ произведеній Мицкевича отрывокъ поэмы Pan Tadeusz и 17 мелкихъ стихотвореній, въ томъ числѣ касиду *Фарисъ* и оду *на Молодость*. Всѣ эти переводы собраны вмѣстѣ и изданы въ 1883 году въ одномъ томѣ.

Этотъ сборникъ раздѣленъ на три части: Поэмы. — Разныя стихотворенія. — Крымскіе сонеты. Нашъ рецензентъ не находитъ этого раздѣленія удобнымъ; онъ полагаетъ, что лучше было бы размѣстить стихотворенія въ той послѣдовательности, въ какой они были написаны Мицкевичемъ, и перечисляетъ ихъ въ другомъ, предпочтительномъ, по его мнѣнію, порядкѣ. Впро-

*) Литовскаго народнаго пѣвца и жреца.

чемъ, прибавляетъ онъ, что́ касается систематической группировки стихотвореній Мицкевича, то и польскихъ парижскихъ изданій никто не признаетъ образцовыми. Упрекъ рецензента переводчику, зачѣмъ онъ не исправилъ того, что́ слѣдовало исправить въ изданіи, которымъ онъ пользовался, едва ли можетъ быть признанъ справедливымъ: такая задача не входила въ планъ переводчика, равно какъ и полное исчисленіе русскихъ переводовъ изъ Мицкевича: г. Семеновъ въ своемъ предисловіи объясняетъ, что онъ счелъ не лишнимъ сдѣлать *нѣсколько* краткихъ указаній на извѣстные *ему* переводы тѣхъ по крайней мѣрѣ произведеній польскаго поэта, которыя переведены были и *имъ*, при чемъ, прибавляетъ онъ, «я не принимаю на себя отвѣтственности за полноту этихъ указаній». Нельзя ставить переводчику въ вину, что онъ не беретъ на себя обязанностей библіографа.

Во взглядѣ на задачу переводчика г. Семеновъ существенно отличается отъ своихъ предшественниковъ. Его пониманіе предлежавшей ему задачи видно изъ заключительныхъ словъ предисловія: «Печатая мои переводы изъ Мицкевича, говоритъ онъ, я руководился желаніемъ познакомить русскихъ читателей съ красотами хотя немногихъ стихотвореній одного изъ замѣчательнѣйшихъ польскихъ поэтовъ, и если я не исказилъ внѣшней формы, въ которой вылились его произведенія, если вѣрно сохранилъ его образъ и передалъ духъ его, то я не напрасно трудился». Изъ сличенія этихъ переводовъ съ подлинниками ясно, что переводчикъ старался слѣдовать за поэтомъ шагъ за шагомъ, передавая мысль за мыслью, не жертвуя ни однимъ существеннымъ образомъ, ни одною имѣющею значеніе подробностію, разумѣется, насколько это совмѣстимо со стихотворною формой, съ условіями мѣры и риѳмы. Требовать, чтобы переводчикъ-поэтъ ни на одну іоту не отступалъ отъ подлинника, не пропускалъ ни одной мелкой черты, не прибавлялъ ни одного слова, котораго нѣтъ въ подлинникѣ, было бы несправедливо. Требованіе такой буквальной точности значило бы вовсе не допускать стихотворныхъ переводовъ или другими словами: оно равносильно отри-

рицанію ихъ возможности. Мы знаемъ, что такому идеалу перевода не отвѣчаютъ даже и труды самыхъ даровитыхъ поэтовъ-переводчиковъ. Съ искусствомъ передачи красотъ подлинника переводящій въ стихахъ долженъ соединять утонченный тактъ, который подсказывалъ бы ему, что́ изъ подробностей оригинала можетъ быть опущено или измѣнено безъ ущерба его достоинству въ цѣломъ и въ частяхъ. Большинство переводчиковъ не такъ смотрятъ на свою задачу и довольствуются приблизительною передачей на свой языкъ мыслей и образовъ иностраннаго поэта: такъ переводили у насъ и Мицкевича, напр. Козловъ и Бергъ. Подобный, такъ называемый *вольный* переводъ не заслуживаетъ въ сущности названія перевода: онъ не достигаетъ цѣли знакомить читателя въ точности съ сочиненіемъ поэта другой національности; но трудъ надъ такимъ переводомъ конечно гораздо легче и, такъ сказать, благодарнѣе: читатель наслаждается плавностью стиха, изяществомъ слога и не спрашиваетъ, все ли тутъ сохранено, что́ содержится въ подлинникѣ, нѣтъ ли тутъ чужого, вовсе не принадлежащаго автору. Только въ результатѣ оказывается весьма неполное и далеко не вѣрное понятіе читателя о подлинномъ произведеніи. Г. Семеновъ не искалъ легкой славы такого переводчика: онъ добросовѣстно подвергалъ себя той борьбѣ, о которой говоритъ мой почтенный сочленъ въ рецензіи, передъ симъ сообщенной въ извлеченіи. Естественно, что эта борьба въ настоящемъ случаѣ, какъ и всегда, не вездѣ увѣнчивалась одинакимъ успѣхомъ; но и изъ строгой критики нашего рецензента легко убѣдиться, что въ значительно бо́льшей части стихотвореній трудности побѣждены удачно.

Согласно съ приведеннымъ заявленіемъ самого переводчика, г. Вержбовскій разсматриваетъ его трудъ съ точки зрѣнія двухъ важнѣйшихъ требованій: вѣрной передачи внѣшней формы стихотвореній и мыслей поэта, въ нихъ выраженныхъ. Что касается внѣшней формы поэмы *Конрадъ Валленродъ*, то г. Семеновъ старался подражать подлиннику, насколько позволяли это правила русскаго стихосложенія, во многомъ отличающіяся отъ

правилъ польской просодіи. Тамъ, гдѣ подлинный текстъ раздѣленъ на строфы, переводъ представляетъ такое же раздѣленіе, и число стиховъ въ каждой строфѣ то же, что въ подлинникѣ. Только въ одномъ мѣстѣ переводчикъ прибавилъ стихъ: «Нескромности толпы они тѣмъ избѣгаютъ», который, по мнѣнію рецензента, затемняетъ смыслъ и нарушаетъ гармонію строфы.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что сочетаніе стиховъ или риѳмъ въ переводѣ совершенно другое и не столь однообразное какъ въ строфахъ подлиннаго текста; исключеніе представляетъ одна только «баллада Альпухара», въ переводѣ которой размѣръ стиховъ, число ихъ и сочетаніе риѳмъ точь въ точь такое же, какъ въ текстѣ ея.

Для ознакомленія съ художественною стороною перевода поэмы, позволю себѣ привести характеристику героя ея, Конрада Валленрода:

Заслуги ордену всѣхъ доблестныхъ мужей
Равны, и знатностью равна у нихъ порода;
Однако общее согласье братьи всей
Доселѣ ставило всѣхъ выше Валленрода....
....
Не доблестью одной межъ рыцарей совѣта
Онъ въ юности своей прославиться успѣлъ:
Украсили его сіяньемъ чистыхъ дѣлъ
Смиренье, нищета, презрѣнье къ блеску свѣта.
Не славился Конрадъ среди толпы князей
Изысканностью словъ, изяществомъ поклоновъ;
Оружья никогда изъ прибыли своей
Не продавалъ въ борьбѣ враждующихъ бароновъ.
Онъ рано схоронилъ всѣ юности мечты
Въ стѣнахъ монастыря, и шумъ рукоплесканій,
И честь, и санъ презрѣлъ, и высшей славы дани:
Ни менестрелей гимнъ, ни взгляды красоты
Его холоднаго не волновали духа.
Нѣтъ, Валленродъ къ хваламъ не преклоняетъ слуха
На прелесть женскую лишь издали глядитъ,
Отъ словъ чарующихъ, какъ отъ чумы, бѣжитъ.

Онъ отъ природы гордъ, иль страстныхъ чуждъ желаній —
То трудно угадать; съ годами ль сталъ такой?
Хоть молодъ, заклейменъ печатью онъ страданій:
Морщинами чела и ранней сѣдиной.
Порой бывали дни, когда бросалъ онъ взоры
На молодёжь, и съ ней веселіе дѣлилъ,
Радъ былъ и женскіе послушать разговоры;
За шутку при дворѣ, онъ шуткою язвилъ.
Учтивой лестью словъ онъ тѣшилъ дамъ свободно,
Какъ лакомствомъ дѣтей, съ улыбкою холодной,
Но это только былъ забвенья рѣдкій мигъ...
И слово чуть одно, неважное для нихъ,
Изъ беззаботныхъ устъ случайно вылетало —
Внезапно въ страстный жаръ оно его бросало.
Слова: отчизна, долгъ, любовь, живая рѣчь
О рыцаряхъ, Литвѣ, исходѣ грозныхъ сѣчъ
Смущали невзначай веселость Валленрода:
Онъ отвращалъ лицо, стѣснялась словъ свобода,
Онъ становился вновь безчувственъ, нѣмъ и глухъ,
И погружался весь въ таинственныя думы.
Быть можетъ, сихъ утѣхъ его чуждался духъ,
На память приводя обѣтъ поста угрюмый.
Утѣхи дружбы онъ одной лишь принималъ.
Онъ друга одного, надежнаго избралъ,
Святою жизнію, божественнаго саномъ:
То былъ сѣдой монахъ и звался онъ Гальбаномъ.
И Валленрода онъ во всемъ сподвижникъ сталъ;
Онъ былъ и духовникъ, и думъ его властитель:
Его сердечныхъ тайнъ онъ былъ нѣмой хранитель.
Блаженная пріязнь! Святой въ семъ мірѣ тотъ,
Кто у святыхъ пріязнь такую обрѣтетъ.

Въ этомъ отрывкѣ рецензентъ останавливается на двухъ не одобряемыхъ имъ выраженіяхъ: ему кажется, во 1-хъ, что слова:

обычъ поста угрюмый противорѣчатъ тому, что̀ выше было сказано о весельи, бесѣдахъ съ женщинами, и тексту подлинника, гдѣ поэтъ говоритъ только о *святости призванія* («можетъ-быть вспомнивъ святость призванія»). Во 2-хъ, слова̀ перевода о Гальбанѣ: «И Валленрода онъ во всемъ сподвижникъ сталъ», замѣчаетъ критикъ, говорятъ читателю гораздо больше, нежели хотѣлъ сказать Мицкевичъ, въ стихѣ: «Онъ дѣлилъ одиночество Валленрода»; этимъ поэтъ хотѣлъ мимоходомъ указать на то, что оба они — Валленродъ и Гальбанъ имѣютъ какіе-то общіе планы или понимаютъ другъ друга, не желаютъ однако, чтобы другіе догадывались, что они дѣйствуютъ заодно.

Далѣе мы находимъ въ переводѣ стихъ:

У замка на крыльцѣ стеклась толпа густая.

Тутъ недостаетъ ясности: читатель готовъ предполагать, что тутъ рѣчь идетъ о постороннихъ зрителяхъ, толпѣ праздношатающагося по улицамъ народа. Между тѣмъ это часть рыцарей, которые, по прекращеніи совѣщаній, вышли на балконъ или галлерею замка.

Пропуская замѣчанія рецензента объ отдѣльныхъ словахъ, перейдемъ къ его сужденію о переводѣ отрывка изъ поэмы: *Панъ Ѳаддей*. Этотъ отрывокъ, говоритъ онъ, переведенъ стихами того же размѣра, какъ *Конрадъ Валленродъ*, но такой размѣръ не соотвѣтствуетъ тому, которымъ Мицкевичъ написалъ поэму Pan Tadeusz. Что касается вѣрности перевода, продолжаетъ г. Вержбовскій, то лишь въ двухъ мѣстахъ не удалось переводчику передать того, что сказано въ подлинникѣ. Мицкевичъ укоряетъ купцовъ и русское правительство въ томъ, что они истребляютъ литовскіе лѣса. Переводчикъ не отмѣтилъ этого оттѣнка мысли поэта, сказавъ:

О памятники, васъ по скольку каждый годъ
Купца или Москвы топоръ у насъ сѣчетъ.

Въ одномъ изъ стиховъ этого отрывка въ переводѣ мы читаемъ:

Вѣдь чернолѣсскою той липой въ оны лѣта
Былъ вдохновленъ Иванъ...

Пойметъ ли читатель, о комъ тутъ идетъ рѣчь? Употребленіе формы «Иванъ» вмѣсто общепринятой и литературной «Янъ», не позволяетъ читателю догадаться, что этотъ стихъ относится къ знаменитѣйшему изъ польскихъ поэтовъ XVI-го столѣтія.

Касида Мицкевича *Фарисъ* по внѣшней формѣ принадлежитъ къ лучшимъ его стихотвореніямъ: каждая почти строфа представляетъ иное сочетаніе размѣровъ и риѳмъ. Переводчику не вполнѣ удалось дать своему переводу такую же разнообразную форму, какую имѣетъ подлинникъ. Нѣкоторыя строфы его тождественны въ этомъ отношеніи съ соотвѣтствующими строфами подлинника, но есть и такія, которыя отъ него отличаются.

Что касается содержанія, то переводчикъ только въ трехъ мѣстахъ передалъ мысль подлинника не совсѣмъ точно.

Переходя къ переводу мелкихъ стихотвореній, рецензентъ и тутъ указываетъ только на отдѣльныя слова и выраженія, не вполнѣ отвѣчающія употребленнымъ въ подлинникѣ. Стихотвореніе, обращенное къ неизвѣстному лицу (К—ъ ..., стр. 119), но какъ полагаютъ, неправильно приписываемое Мицкевичу, переведено, по замѣчанію критика, безукоризненно. Оно помѣщено во всѣхъи зданіяхъ поэта, и потому сомнительность его происхожденія не могла быть извѣстна переводчику. Въ сонетахъ, говоритъ г. Вержбовскій, очень мало такихъ стиховъ, въ которыхъ мысль подлинника была бы передана невѣрно.

Вотъ для примѣра одинъ изъ сонетовъ:

ПЛАВАНІЕ.

Ужасный шумъ, кишатъ страшилища морей,
Матросъ взбѣжалъ на верхъ: пора, готовьтесь дѣти!

Взоѣжалъ, раскинулся, повисъ въ воздушной сѣти,
Какъ у силка паукъ надъ петлею своей.

Взвылъ вѣтеръ! Сорвался корабль съ узды насилья,
Въ сугробахъ пѣнистыхъ нырнулъ, хребетъ подъялъ,
Пятой стопталъ волну, въ даль неба насъ помчалъ,
И рѣжетъ облака, вбирая вѣтеръ въ крылья.

И духъ мой высится, какъ мачта средь валовъ;
Съ веселой братьей крикъ невольный испускаю,
Мечта возносится какъ грива парусовъ,

Припалъ я къ кораблю и руки простираю,
Какъ будто лѣтъ его я грудью ускоряю;
Мнѣ любо и легко быть птицей облаковъ.

Неточности, которыя критикъ затѣмъ отмѣчаетъ, какъ менѣе важныя, едва ли заслуживаютъ даже упоминанія: переводчикъ иногда ставитъ глаголъ не въ томъ самомъ времени, въ какомъ онъ поставленъ въ подлинныхъ стихотвореніяхъ; онъ употребляетъ иногда другіе грамматическіе обороты, въ особенности же страдательные глаголы вмѣсто дѣйствительныхъ, безличные вмѣсто личныхъ и т. п.; вмѣсто слова, имѣющаго спеціальное значеніе, ставитъ болѣе общее и наоборотъ, или употребляетъ синонимъ; пропускаетъ мѣстами опредѣленія, дополненія, вводныя слова и т. д.

Свою рецензію г. Вержбовскій заключаетъ слѣдующимъ общимъ выводомъ:

«Вообще г. Семеновъ достигъ цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду. Внѣшняя форма его переводовъ, насколько это было возможно, соотвѣтствуетъ формѣ стихотвореній Мицкевича; въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. въ балладѣ Альпухара, въ повѣсти вайделота) она совершенно та же. Его переводы Мицкевича въ общемъ очень вѣрны и, за немногими исключеніями, нѣтъ въ нихъ большихъ погрѣшностей и промаховъ; читатель можетъ

составить себѣ по нимъ вѣрное понятіе о идеяхъ и духѣ польскаго поэта, насколько, конечно, они проявляются въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя вошли въ сборникъ. Не всѣ переводы однако въ одинаковой степени удачны; нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то: отдѣльныя части, или отрывки поэмы «Конрадъ Валленродъ», въ особенности же: Вступленіе, III-я часть, пѣсня вайделота, повѣсть вайделота, отрывокъ изъ поэмы «Панъ Ѳаддей», два послѣдніе отрывка касиды «Фарисъ», ода на Молодость, Къ..... (Когда бъ я лентой сталъ), три послѣднія строфы стихотворенія «Сонъ», затѣмъ стихотворенія: «Въ альбомъ Головинской», «Въ альбомъ» и «Маріи Шимановской», наконецъ «Крымскіе сонеты», въ особенности же I, IX, XV, XVI и XVII-ый, въ полномъ смыслѣ образцовые и едва ли можно было бы перевести ихъ лучше. Въ остальныхъ довольно много неточностей, вслѣдствіе чего колоритъ ихъ слабѣе, языкъ мѣстами не отличается такою изобразительностью и живостью, какъ языкъ подлинныхъ стихотвореній; по нимъ нельзя имѣть надлежащаго и вполнѣ вѣрнаго понятія о силѣ полета и богатствѣ поэтической фантазіи польскаго поэта. Лучше переведены г. Семеновымъ лирическіе и описательные отрывки, — хуже отрывки, исполненные драматизма; въ послѣднихъ сила чувства и выраженія не воспроизведены съ надлежащей вѣрностью и рельефностью. Читая переводы г. Семенова и сравнивая ихъ съ подлинными стихотвореніями, получаемъ впечатлѣніе, что переводчикъ не съ одинаковымъ вниманіемъ отнесся ко всѣмъ переводимымъ стихотвореніямъ, но, какъ переводчикъ-любитель, увлекался болѣе тѣми, которыя лучше нравились ему; болѣе старался понять всѣ оттѣнки мысли и выраженій послѣднихъ и старательно отдѣлывалъ ихъ переводы. Но, какъ бы то ни было, переводы г. Семенова слѣдуетъ признать плодомъ поэтическаго дарованія и художественнымъ произведеніемъ. На мой взглядъ, они лучше всѣхъ прочихъ переводовъ стихотвореній Мицкевича на русскій языкъ».

III.

Стихотворенія г. Надсона появились отдѣльною книгой года полтора тому назадъ, и пережили уже четыре изданія. Чему приписать такой успѣхъ и-можно ли считать его заслуженнымъ? Въ книгѣ собрано около шестидесяти большею частію не длинныхъ пьесъ почти исключительно лирическаго содержанія. Поэтъ изображаетъ въ нихъ свое личное настроеніе, свое міросозерцаніе, свое отношеніе къ вопросамъ о задачахъ жизни и искусства. При первомъ же знакомствѣ съ этимъ сборникомъ, читателя поражаетъ почти безукоризненное изящество формы, звучный, легкій и правильный стихъ, сильный и образный языкъ, страстный и часто возвышенный тонъ, но съ другой стороны однообразно унылое и мрачное содержаніе почти всѣхъ стихотвореній производитъ тяжелое впечатлѣніе. Чтобы объяснить себѣ этотъ преобладающій характеръ музы г. Надсона, надо знать главныя черты его біографіи, на которыя въ самыхъ стихахъ его встрѣчаются нѣкоторые намеки. Самую существенную изъ нихъ составляютъ его физическія страданія; но чего не видно изъ собственныхъ словъ поэта, это его очень еще молодые годы, что̀ необходимо имѣть въ виду для оцѣнки его таланта и достоинства его созданій. Сколько намъ извѣстно, г. Надсонъ получилъ образованіе, не соотвѣтствовавшее его наклонностямъ, и долженъ былъ вступить на служебное поприще, къ которому не чувствовалъ призванія, а затѣмъ явился грозный недугъ, наложившій скорбную печать на всѣ его думы и стремленія.

Разсматриваемая книга состоитъ изъ двухъ отдѣловъ; второй изъ нихъ меньше по объему и носитъ заглавіе: «Изъ старыхъ тетрадей». Это обозначеніе даетъ намъ право заключить, что стихотворенія перваго отдѣла новѣе по времени своего происхожденія. Но ни въ содержаніи, ни въ достоинствѣ обѣихъ частей нѣтъ рѣзкаго различія, за исключеніемъ развѣ того, что въ послѣднемъ мы находимъ, кромѣ лирическихъ пьесъ, три

въ эпическомъ родѣ, именно: 1) Христіанка, 2) Іуда и 3) Боярinъ Брянскій. Первая взята изъ эпохи гоненія христіанъ при Неронѣ, вторая изъ преданія о самоубійствѣ Іуды, а третья содержитъ разсказъ о несчастной любви молодой дочери боярина къ простому крестьянину. Всѣ три разсказа свидѣтельствуютъ о талантѣ поэта и въ этомъ родѣ, хотя имъ недостаетъ окончательной отдѣлки и въ нихъ мѣстами встрѣчаются стихи, отзывающіеся нѣкоторою небрежностью: нельзя не пожалѣть, что авторъ не посвятилъ болѣе трудовъ этой области творчества, которая могла бы отвлечь его отъ исключительно субъективнаго направленія. Читателю было бы интересно знать, *когда* были написаны эти разсказы, и вообще весьма желательно было бы видѣть подъ каждою пьесою сборника по крайней мѣрѣ означеніе года ея происхожденія.

Книга [1]) начинается двумя стихотвореніями, которыхъ назначеніе, повидимому, предварительно ознакомить читателя со взглядомъ автора на поэзію и на призваніе поэта. Въ первомъ онъ скорбитъ, что прошло то время, когда закономъ поэзіи было искусство для искусства

И былъ завѣтъ ея служенье красотѣ.

Онъ сѣтуетъ,

Что прежнихъ гимновъ нѣтъ!... Ликующіе звуки
Дыханіемъ грозы безслѣдно унесло, —
И дышитъ пѣснь ея огнемъ душевной муки,
И тернія язвятъ небесное чело.

Во второмъ стихотвореніи мы находимъ такое обращеніе къ поэту:

Пусть пѣснь твоя кипитъ огнемъ негодованья
И душу жжетъ своей правдивою слезой,

---

[1]) Въ нашихъ рукахъ было только 1-е ея изданіе.

Пусть отзывъ въ ней найдутъ и честныя желанья
И честная любовь къ отчизнѣ дорогой;
Пусть каждый звукъ ея впередъ насъ призываетъ,
Подавленнымъ борьбой — надеждою звучитъ,
Упавшихъ на пути — безсмертіемъ вѣнчаетъ
И робкихъ бѣглецовъ насмѣшкою клеймитъ;
Пусть онъ ведетъ насъ въ бой съ неправдою и тьмою,
Въ суровый, грозный бой за истину и свѣтъ, —
И упадемъ тогда мы ницъ передъ тобою,
И скажемъ мы тебѣ съ восторгомъ: «ты — поэтъ!»...

Къ сожалѣнію, самъ авторъ этихъ прекрасныхъ стиховъ не остался вѣренъ своему завѣту: въ поэзіи его не видно ни собственнаго его стремленія *впередъ*, ни старанія воодушевить другихъ къ такому стремленію. Уже въ слѣдующей за этими двумя пьесѣ г. Надсонъ рисуетъ въ идеальныхъ чертахъ музу, какою она сперва ему представлялась въ воображеніи и затѣмъ какою она явилась, когда исполнила его просьбу поднять передъ нимъ свое покрывало, открыть ему свои дорогія черты. И что же онъ увидѣлъ, когда она

Уронила туманный покровъ свой къ ногамъ,
Обнажая стыдливое тѣло?

Онъ отдаетъ въ томъ отчетъ, продолжая:

Уронила — и въ страхѣ я прянулъ назадъ,
Воспаленный, завистливый, злобный, —
Острой сталью въ глаза мнѣ сверкнулъ ея взглядъ,
Взглядъ, мерцанью зарницы подобный!...
Было что-то зловѣщее въ этихъ очахъ,
Отѣненныхъ вокругъ синевою....
Серебрясь, сѣдина извивалась въ кудряхъ,
Упадавшихъ на плечи волною;
На прозрачныхъ щекахъ нездоровымъ огнемъ
Блескъ румянца, бродя, разгорался, —

И одинъ только голосъ дышалъ торжествомъ,
И надъ тяжкимъ недугомъ смѣялся....
И звучалъ этотъ голосъ: «Пѣвецъ, ты молилъ,
Я твои услыхала молитвы, —
Вотъ подруга, съ которой ты гордо вступилъ
На позорище жизненной битвы!
О слѣпецъ!... Красотой я сіять не могла:
Не съ тобой ли я вмѣстѣ страдала?...
Зависть первыя грёзы твои родила,
Злоба — первую пѣснь нашептала....
Одинокой печали непонятый крикъ,
Слезы горя, борьба и лишенья —
Вотъ моя колыбель, — вотъ кипучій родникъ
Блескъ и свѣтъ твоего вдохновенья!»...

Такъ поэтъ самъ изображаетъ нездоровый источникъ, откуда онъ чаще всего почерпаетъ свои вдохновенія: въ значительномъ большинствѣ его стихотвореній отражается безнадежная тоска, разочарованіе, даже отчаяніе. Въ этомъ болѣзненномъ нравственномъ состояніи онъ сознаетъ связь свою съ тою частью современнаго намъ молодого поколѣнія, которая губитъ отрицаніемъ лучшія свои способности и лишаетъ себя всякой полезной дѣятельности. Вотъ относящіеся сюда стихи:

Не вини меня, другъ мой, — я сынъ нашихъ дней,
Сынъ раздумья, тревогъ и сомнѣній;
Я не знаю въ груди беззавѣтныхъ страстей,
Безотчетныхъ и смутныхъ волненій.
Какъ хирургъ, довѣряющій только ножу,
Я лишь мысли одной довѣряю, —
Я съ вопросомъ и къ самой любви подхожу
И пытливо ее разлагаю!...

Къ такому печальному настроенію способствовала повидимому и несчастная любовь. Та, къ которой онъ обратился съ открытою душою и кому онъ сказалъ:

«будь моей сестрою,
Будь моей заботой, радостью и другомъ»,

не отозвалась на довѣрчивый зовъ его, стала искать въ немъ лжи и лицемѣрія

И любви какъ злобы дѣтски испугалась.

Какъ же это подѣйствовало на поэта? Вотъ что онъ говоритъ:

И сокрывъ въ груди отчаянье и муку,
И сдержавъ съ устахъ невольныя проклятья,
Со стыдомъ мою протянутую руку
Опускаю я, не встрѣтивши пожатья,
И какъ путникъ, долго бывшій на чужбинѣ,
И въ родномъ краю не узнанный семьею,
Снова въ людномъ мірѣ, какъ въ глухой пустынѣ,
Я бреду одинъ съ поникшей головою...

Когда другое любимое имъ существо было похищено смертью, онъ пересталъ вѣрить въ жизнь:

Какъ бѣлымъ саваномъ, покрытая снѣгами,
Ты спишь холоднымъ сномъ подъ каменной плитой
И сосны родины, ненастными ночами,
О чемъ-то шепчутся и стонутъ подъ тобой;
А я — вокругъ меня полна борьбы и шума,
Жизнь снова бьетъ ключемъ, отдаться ей маня,
Но жить я не могу: мучительная дума,
Неотразимая — преслѣдуетъ меня...
Гнетущій, тяжкій сонъ!... Съ тѣхъ поръ, какъ я, рыдая,
Прильнулъ къ рукѣ твоей и звалъ тебя съ тоской,
И ты недвижная и мертвенно-нѣмая,
Ты не откликнулась на мой призывъ больной,
Съ тѣхъ поръ какъ слово «смерть» — когда-то только слово,
Мнѣ въ сердце скорбное ударило какъ громъ —

Я въ жизнь не вѣрую — угрюмо и сурово
Смерть, только смерть, мнѣ грезится кругомъ!...
. . . . . .
. . . . . .
Добро ли, зло ль вокругъ, забвенье и могилы —
Вотъ цѣль конечная и міровой итогъ!...

Въ слѣдующемъ за тѣмъ стихотвореніи выраженъ такой взглядъ на жизнь:

Бѣдна, какъ нищая и какъ рабыня лжива,
Въ лохмотья яркія пестро наряжена —
Жизнь только издали нарядна и красива,
И только издали влечетъ къ себѣ она.
Но чуть вглядишься ты, чуть встанетъ предъ тобою
Она лицомъ къ лицу — и ты поймешь обманъ
Ея величія подъ ветхой мишурою
И красоты ея подъ маскою румянъ.

Всего сильнѣе и образнѣе вылились страданія поэта отъ такого безотраднаго взгляда на жизнь въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Испытывалъ ли ты, что значитъ задыхаться?
И видѣть надъ собой не глубину небесъ,
А звонкій сводъ тюрьмы, — и плакать, и метаться,
И рваться на просторъ, — въ поля, въ тѣнистый лѣсъ?
Что значитъ съ бѣшенствомъ и жгучими слезами,
Остервенясь душой, какъ разъяренный звѣрь,
Пытаться оторвать изнывшими руками
Желѣзною броней окованную дверь?
Я это испыталъ: — но былъ моей тюрьмою
Весь міръ, — огромный міръ, раскинутый кругомъ;
О, сколько разъ его горячею мечтою
Я облеталъ, томясь въ безмолвіи ночномъ!

И къ звѣздамъ я взывалъ, чтобъ тишиной своею
Смирила бъ эта ночь тревогу юныхъ силъ...

Неудивительно послѣ того, что поэтъ одно спасеніе видитъ въ забвеніи всего, въ полномъ уничтоженіи мыслящаго духа, согласно съ ученіемъ буддистовъ. Въ стихотвореніи *Грядущее* онъ рисуетъ сперва колоссальные успѣхи, какіе сулитъ человѣчеству наука; но всѣ эти успѣхи и усовершенствованія не дадутъ человѣку счастія:

И поникъ ты въ думахъ головою
И стоишь глубоко потрясенъ,
А въ быломъ встаютъ передъ тобою
Кровь и мракъ промчавшихся временъ.
И звучитъ, и жжетъ тебя гнетущій,
Какъ ножомъ пронзающій вопросъ:
Для чего и жертвы и страданья?...
Для чего такъ поздно понялъ я,
Что въ борьбѣ и смутѣ мірозданья
Цѣль одна — покой небытія!

Но гордость ума, внушающая поэту такія грустныя размышленія, смягчается однако тѣмъ поэтическимъ чувствомъ, которое заглушаетъ въ немъ голосъ страсти и приводитъ его къ сознанію всей силы обаянія искусства надъ душою человѣка.

Вспоминая споры со своими единомышленниками, споры, въ которыхъ на свободное слово

Никто самовластно цѣпей не ковалъ,

поэтъ высказываетъ такое признаніе:

Но странно — собратья по общимъ стремленьямъ
И спутники въ жизни на общемъ пути —
Съ какимъ недовѣріемъ, съ какимъ озлобленьемъ
Другъ въ другѣ врага мы старались найти!...

Не то же ли чувство насъ всѣхъ согрѣвало —
Любовь безъ завѣта къ отчизнѣ родной —
Не то же ли солнце надежды сіяло
Намъ въ жизни, окутанной душною мглой?...

Но вотъ свидѣтельницею этихъ ожесточенныхъ споровъ является какое-то плѣнительное женское существо. Поэтъ обращается къ ней:

Печально ты нашему спору внимала...
Порою, когда я смотрѣлъ на тебя,
Казалось мнѣ, будто за насъ ты страдала,
И что-то сказать намъ рвалася, любя;
Ночь мчалась.... за блѣднымъ окномъ разгорался
Разсвѣтъ... Умирала звѣзда за звѣздой...
Свѣтъ лампы, мерцая, краснѣлъ и сливался
Съ торжественнымъ блескомъ зари золотой —
И молча тогда подошла ты къ роялю,
Коснулась задумчиво клавишъ нѣмыхъ,
И страстная пѣсня любви и печали,
Звеня, изъ-подъ рукъ полилася твоихъ....

Поэтъ глубоко тронутъ:

Не знаю... Безсонная ночь ли сказалась,
Больные ли нервы играли во мнѣ —
Но грудь отъ скопившихся слезъ подымалась,
Минута — и хлынули страстно онѣ...
Какъ будто бы кто-то глубоко правдивый
Вошелъ къ намъ, озлобленнымъ, жалкимъ, больнымъ,
И сталъ говорить — и воскресшій, счастливый
Кружокъ нашъ въ восторгѣ замолкъ передъ нимъ.
Поддѣльные стоны, крикливыя фразы,
Тщеславье — звучавшее въ нашихъ рѣчахъ —
Все то, что дыханьемъ незримой заразы
Жизнь сѣетъ во всѣхъ, даже въ лучшихъ сердцахъ,
Все стихло — и только одно лишь желанье,

Одинъ лишь порывъ запылалъ въ насъ огнемъ —
Всю душу отдать на борьбу и страданье...

Знаменательно это признаніе въ ложныхъ стремленіяхъ кружка, это внезапное духовное просвѣтлѣніе съ готовностью отдать всю душу на борьбу и страданіе, — во имя чего, не выражено, но конечно во имя того, на что поэтъ не разъ указываетъ въ подобныя минуты, какъ на достойное борьбы и труда, — во имя правды и свѣта (см. *Стихотворенія*, стр. 8).

Такое же осужденіе отрицательнымъ увлеченіямъ и ободреніе къ труду и благородной борьбѣ находимъ мы въ пьесѣ:

Наше поколѣнье юности не знаетъ,
Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ;
Рано въ наши годы дума отравляетъ
Первыхъ силъ размахъ и первыхъ чувствъ разсвѣтъ.
Кто изъ насъ любилъ, весь міръ позабывая?
Кто не отрекался отъ своихъ боговъ?
Кто не падалъ духомъ, рабски унывая,
Не бросалъ щита передъ лицомъ враговъ?
Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ:
Насъ томитъ безвѣрье, насъ грызетъ тоска....
Даже пожелать мы страстно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы изподтишка!

Подобныя, нерѣдко встрѣчающіяся въ разбираемыхъ стихотвореніяхъ проблески здравой мысли и здравыхъ стремленій заставляютъ насъ сильнѣе чувствовать сожалѣніе, что судьба не повела нашего поэта инымъ жизненнымъ путемъ, не дала таланту его развиться разнообразнѣе и шире. Но уже и теперь, при господствующемъ одностороннемъ направленіи, попадаются у него болѣе отрадные мотивы. Вотъ наприм. небольшая пьеса, написанная въ свѣтлую минуту:

Сбылося все, о чемъ за школьными стѣнами
Мечталъ я юношей, въ грядущее смотря.

Уютно въ комнатѣ... въ углу предъ образами,
Лампада теплится, о дѣтствѣ говоря;
Въ вечернихъ сумеркахъ, когда ко мнѣ слетаетъ
Источникъ творчества, — завѣтная печаль,
За тонкою стѣной, какъ человѣкъ рыдаетъ
Пѣвучая рояль.

Порой вокругъ меня безпечно свѣтятъ глазки
И раздается смѣхъ собравшихся дѣтей,
И я, послушно имъ разсказывая сказки,
Самъ съ ними уношусь за тридевять морей; —
Порою, дверь мою беззвучно отворяя,
Войдетъ хозяйскій котъ, старинный другъ семьи,
И ляжетъ на диванъ, и щуритъ, засыпая,
Зрачки горящіе свои.

Покой и тишина... минуты вдохновенья
Съ собою жгучихъ слезъ, какъ прежде, не несутъ,
И битвы жизненной тревоги и волненья
Не смѣютъ донестись въ спокойный мой пріютъ.
Гроза умчалась вдаль, минувшее забыто,
И голосъ внутренній мнѣ говоритъ порой:
Да ужъ не сонъ ли все, что было пережито
И передумано тобой?...

Мы были бы несправедливы къ поэту, еслибъ, прослѣдивъ подробно ходъ его мрачныхъ мыслей въ нѣкоторой части его стихотвореній, не остановились съ такимъ же вниманіемъ на тѣхъ его пьесахъ, которыя отличаются другимъ характеромъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

стр.
19 Бываютъ дни надъ хмурою землею...
21 Въ глуши.
23 Да, хороши онѣ, Кавказскія вершины.
25 Весенняя сказка.

стр.

44 Похороны.

85 Я не тому молюсь.

103 Въ тѣни задумчиваго сада.

112 Христіанка.

121 На зарѣ.

155 Снова лунная ночь...

Эти стихотворенія, равно какъ и та общая черта поэзіи г. Надсона, что она соединяетъ большую искренность и теплоту чувства съ обиліемъ и живостью образовъ, служатъ доказательствомъ, что талантъ его не такъ одностороненъ, какъ съ перваго взгляда можетъ показаться, и что если бъ ему удалось высвободиться изъ той узкой сферы мыслей и ощущеній, въ которой онъ преимущественно вращается, то этотъ талантъ могъ бы проявиться гораздо въ большемъ блескѣ.

Встрѣчающіеся у него изрѣдка промахи въ языкѣ и стихѣ [1])

---

[1]) По обязанности критика, укажу на нѣсколько неудачныхъ выраженій.

стр.

46. Въ стихотвореніи *На кладбищѣ*, поэтъ, сказавъ, что онъ задумался о томъ, чей прахъ сторожитъ крестъ, прибавляетъ:

И кто *ліетъ* теперь подъ этою землею.

56. Тамъ же: «Мертвыхъ дней унынья больше *не вернутъ*» (вм. не измѣнить, не исправить).

108. «На жизненной сценѣ, *залитой въ крови*» (вм. кровью).

116. Неронъ «*залитъ въ серебро и злато*».

117. Альбинъ «*прекрасный* и угрюмый..., сіяетъ *красотой*».

130. Про плывущаго человѣка сказано, что онъ

«Волны-*великаны* смѣло *разсѣкаетъ*».

131. ..... *рѣчка* голубая
Стихла понемногу *грозными волнами*.

138. (Христосъ) погибъ, *забросанный* презрѣньемъ,
Измятый пыткой и мученьемъ.

142. (Ночь) *горя луной*,
Разметалась надъ землей.

90. Едва ли можно сказать: *священенъ*, вм. *священъ*.

68. Стихъ: «Но только бы *дрогнула полночь* кругомъ» не ясенъ; трудно понять, что́ хотѣлъ авторъ сказать этимъ.

119, 121, 130. Слова *крадётся*, *дрогнётъ*, *деньгáми* поставлены съ неупотребительнымъ въ литературномъ языкѣ удареніемъ.

Наконецъ, на стр. 94 и 150 явились два семистопные стиха.

объясняются тѣмъ, что онъ, увлекаясь своею легкостью писать стихи, не всегда настолько строгъ къ себѣ, чтобы добиваться равномѣрной отдѣлки каждой пьесы. Но полнымъ отсутствіемъ этого недостатка могутъ похвалиться только немногіе первоклассные поэты, и онъ не умаляетъ тѣхъ достоинствъ поэзіи г. Надсона, которыя выставлены мною въ предыдущемъ разборѣ. Поэтому я полагаю, что молодой авторъ разсмотрѣнныхъ стихотвореній, отъ котораго можно ожидать еще многаго въ будущемъ, безспорно заслуживаетъ Пушкинской преміи.

Радуясь, что на нынѣшнемъ конкурсѣ представилась возможность выдать три преміи, Отдѣленіе русскаго языка и словесности не можетъ не выразить желанія, чтобы литература наша болѣе и болѣе обогащалась трудами, которымъ Академія могла бы выражать этимъ способомъ свое сочувствіе и одобреніе.

Изъ прочитанныхъ сегодня въ сокращенномъ видѣ разборовъ только одинъ принадлежитъ постороннему рецензенту. Въ изъявленіе своей признательности за этотъ основательный трудъ Отдѣленіе присудило доценту Варшавскаго университета Ѳедору Францовичу Вержбовскому золотую Пушкинскую медаль.

(За симъ помѣщаются цѣликомъ рецензіи А. Н. Веселовскаго и Ѳ. Ф. Вержбовскаго. Разборъ стихотвореній г. Надсона напечатанъ уже выше безъ тѣхъ немногихъ сокращеній, которыя сдѣланы были при чтеніи всего отчета).

Макбетъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ Вилльяма Шекспира. Переводъ С. А. Юрьева. (Москва. 1884).

Макбетъ былъ не разъ переводимъ у насъ съ подлинника: Ротчевымъ (1830), Вронченкомъ (1837), Кетчеромъ (1842), Лихонинымъ (1854), Ѳ. Устряловымъ (1862), Кронебергомъ (у Гербеля, Полное собраніе сочиненій Вилльяма Шекспира, во всѣхъ трехъ изданіяхъ) и Соколовскимъ (1884). Недавно С. А. Юрьевъ, уже испытавшій свои силы надъ переводомъ Короля Лира (Москва 1882), подарилъ насъ и новой передачей Макбета: задача заманчивая, ибо ни одинъ изъ суще-

ствовавшихъ дотолѣ переводовъ не удовлетворялъ всесторонниимъ требованіямъ, которыя могутъ быть ему предъявлены; и вмѣстѣ не легкая. Не достаточно овладѣть языкомъ Шекспира, проникнуться духомъ его произведенія, восчувствовать его поэтическія красоты: надо умѣть бороться съ нимъ, похитить у него тайну впечатлѣнія, которое онъ производитъ; переводъ долженъ его воспроизвести. Онъ можетъ быть близокъ къ буквѣ подлинника, можетъ быть красивъ съ точки зрѣнія стихотворной; но не достигнетъ цѣли безъ той борьбы, безъ завладѣнія той тайной. Въ чемъ она состоитъ — это дѣло настолько же изученія, насколько поэтическаго переживанія въ душѣ переводчика-художника. Тутъ важны нерѣдко мелочи, — тѣмъ болѣе размѣръ, употребленіе риѳмы въ стихахъ, заканчивающихъ монологъ или сцену и т. п. Перебивая собою бѣлые стихи, она является не случайной, а сознательной прикрасой, разсчитанной на лирическій эффектъ. Сл. дѣйствіе III, сц. 1, въ концѣ: убійцы, посланные за Банко, ушли, говоритъ Макбетъ:

It is concluded: Banquo, thy soul's flight
If it find heaven, must find it out to-night.

Г. Юрьевъ переводитъ:

Все рѣшено! Ну, Банко, если въ небо
Твой духъ паритъ, сегодня будешь тамъ.

Не говоря уже о томъ, что «духъ паритъ» не выражаетъ идеи подлинника, отсутствуетъ и знаменательная риѳма, которую удержали: и Кронебергъ (я цитую по 3-му изданію Гербеля, гдѣ переводъ исправленъ):

Банко, рѣшено!
Когда, о Банко, небо суждено
Твоей душѣ, чрезъ краткихъ два часа
Она въ лучахъ (?) взойдетъ на небеса;

и Соколовскій:

Ну, Банко! если быть
Тебѣ въ раю судила власть Господня,
Въ него пойдетъ душа твоя сегодня!

Шекспировскую риѳму вообще новый переводчикъ не вездѣ сохранилъ (Сл. напр. дѣйствіе II, сц. 3, въ концѣ; сц. 4, въ концѣ; дѣйствіе III, сц. 2, въ рѣчи лэди Макбетъ: Все прахъ, ничто, и все пропало даромъ, и т. п.; д. V, сц. 3, въ первой рѣчи Макбета и т. д.), какъ сохранилъ ее въ обращеніи Гекаты (д. III, сц. 5), гдѣ онъ постарался приблизиться и къ размѣру подлинника, тогда какъ у Кронеберга ея страстная рѣчь разбилась на коротенькіе стихи, въ стилѣ оперетки:

Have I not reason, beldams as you are,
Saucy and overbold? How did you dare
To trade and traffic with Macbeth
In riddles and affairs of death etc.

Юрьевъ:

Да можно ль не сердиться мнѣ на васъ!
Ахъ, дерзкія вы вѣдьмы, озорныя,
Затѣяли съ Макбетомъ торгъ проклятый,
Загадками, убійствами богатый и т. д.

Кронебергъ:

И есть за что.
Не къ вамъ ли въ сѣть
Попалъ давно
Король Макбетъ?
Вы нарекли
Его царемъ
И завлекли
Обманомъ словъ
На путь грѣховъ и т. д.

То же слѣдуетъ сказать и о нѣкоторыхъ другихъ партіяхъ гдѣ нашъ переводчикъ постарался ближе придержаться къ размѣру оригинала, чѣмъ его предшественники, и вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ его болѣе точно. Сл. д. I, сц. 3 (разсказъ первой вѣдьмы):

A sailor's wife had chesnuts in her lap,
And mounch'd, and mounch'd, and mounch'd. Give me,
quoth I;
«Aroint thee, witch!» the ramp-fed ronyon cries.
Her husband's to Aleppo gone, master of the Tiger:
But in a sieve I'll thither sail,
And, like a rat without a tale,
I'll do, I'll do, and I'll do.

Соколовскій:

Попалась матроса жена,
Сидитъ да каштаны грызетъ;
«Дай мнѣ», говорю, а она:
«Пусть дьяволъ тебя унесетъ!
Съ глазъ вѣдьма долой»! Насолю жъ
Путемъ я красоткѣ (?) за то:
На суднѣ уплылъ ея мужъ,
А я снаряжу рѣшето,
Да крысой въ догонку пущусь.

Кронебергъ не переводитъ, а пересказываетъ этотъ отрывокъ дважды мѣняя размѣръ:

Вонъ жена матроса щелкаетъ орѣхи (?).
«Дай мнѣ!» я сказала бабѣ для потѣхи (?).
«Убирайся, вѣдьма!» зарычала (?) туша,
А межъ тѣмъ за мужемъ дуры (?) скрылась суша.
Шкиперъ, мужъ ея, плыветъ;
Но я крысой обернуся
И — скорѣй чтобъ кончить счетъ —
Въ рѣшетѣ за нимъ пущуся.

«I'll do», трижды повторенное въ подлинникѣ, не переведено Соколовскимъ; Кронебергъ намекнулъ на его смыслъ: «чтобъ кончить счетъ»; вѣдьма обѣщаетъ, очевидно, сдѣлать что-то неладное (прогрызть корабль, навести бурю, сл. далѣе: his bark... shall be tempest-toss'd), что̀ не досказано, но подразумѣвается само собою; Шлегель-Тикъ переводитъ дословно: Ich thu's, ich thu's, ich thu's; что именно? Передъ тѣмъ говорится:

Doch schwimm' ich nach im Sieb, ich kann's,
Wie eine Ratte ohne Schwanz.

Такъ понимаетъ дѣло и нашъ переводчикъ, едва ли правильно, хотя вообще онъ ближе другихъ подошелъ здѣсь къ шекспировскому тексту:

У жены моряка каштановъ былъ полный передникъ,
И проклятая грызла ихъ, грызла и грызла, все грызла,
«Ну, такъ дай же и мнѣ ты», ввернула я. «Къ чорту ты, вѣдьма!...
Распаршивая, грязная, жирная крикнула туша,
А мужъ ея — шкиперъ на «Тигрѣ» и отплылъ въ Алеппо!
Туда же за нимъ поплыву я на днѣ рѣшета,
Ударюсь въ догонку и крысою злой, безъ хвоста,
За нимъ поплыву, поплыву, поплыву жъ, поплыву!

Сравнивая между собою эти переводы, не трудно составить себѣ понятіе, какъ относятся у насъ вообще къ передачѣ классическихъ поэтовъ, особливо стихотворной, и какъ низокъ у насъ уровень переводческой традиціи, давно упроченной въ Германіи — для Шекспира переводами Шлегеля-Тика и др.; для Камоэнса — Шторкомъ и т. д. У насъ переводчикъ нерѣдко заслоняетъ собою поэта, котораго онъ хочетъ передать; въ угоду своему стиху опускаетъ его стихъ, мѣняетъ размѣръ, развиваетъ и сокращаетъ текстъ по усмотрѣнію. Кажется иногда, что переводы одного и того же шекспировскаго эпизода сдѣланы не съ одного и того же текста, болѣе или менѣе установленнаго, а

съ разныхъ передѣлокъ или сценическихъ приноровленій шекспировскихъ пьесъ, какихъ много въ Германіи. Но дѣло объясняется проще: неряшливымъ отношеніемъ переводчиковъ къ ихъ задачѣ.

Въ примѣръ возьмемъ д. I, сц. 1: сцену вѣдьмъ.

First Witch. When shall we three meet again
In thunder, ligthning, or in rain?
Second Witch. When the hurlyburly's done,
When the battle's lost and won.
Third Witch. That will be ere the set of sun.
First Witch. Where the place?
Second Witch. Upon the heath.
Third Witch. There to meet with Macbeth.
First Witch. I come, Graymalkin!
Second Witch. Paddock calls.
Third Witch. Anon.
All. Fair is foul, and foul is fair;
Hover through the fog and filthy air.

Юрьевъ:

1-я вѣдьма.

Когда жъ слетимся мы опять втроемъ
Съ громами, въ блескѣ молній и съ дождемъ?

(ближе было бы: при громѣ, въ блескѣ молній иль съ дождемъ?).

2-я вѣдьма.

Когда вся суматоха прекратится,
Побѣдой полной битва завершится.

3-я вѣдьма.

А сбудется все это, совершится,
И солнце не успѣетъ закатиться.

1-я вѣдьма.

А гдѣ?

2-я вѣдьма.

Вонъ тамъ, гдѣ верескомъ одѣта
Пустыни гладь.

3-я вѣдьма.

Чтобъ видѣть тамъ Макбета.

1-я вѣдьма.

Котъ сѣрый, я иду, лечу сейчасъ!

2-я вѣдьма.

Чу, жаба кличетъ!... а?... Примчусь какъ разъ!

Всѣ вмѣстѣ.

Прекрасное — все гниль, а гниль прекрасна!
Летимъ, гдѣ смрадъ, гдѣ мгла, гдѣ высь ненастна!

Вотъ нѣсколько замѣтокъ къ переводу: въ рѣчи 3-й вѣдьмы: «А сбудется все это, *совершится*» — послѣдній глаголъ — лишній, отзывающійся неловкимъ шаржемъ, вызваннымъ потребностью стиха и слишкомъ созвучнымъ къ предшествующему: *завершится*. Слѣдующій затѣмъ вопросъ первой вѣдьмы: «А гдѣ?» оставляетъ насъ въ сомнѣніи, къ чему онъ относится. Въ текстѣ дѣло идетъ о мѣстѣ, *гдѣ* слетятся вѣдьмы (Where the place?). Дальнѣйшая рѣчь третьей вѣдьмы: «Чтобъ видѣть тамъ Макбета» дословно переводитъ текстъ (There to meet with Macbeth), но такъ далека въ русскомъ переводѣ отъ предложенія, отъ котораго она зависитъ, что становится совершенно непонятной. — «Котъ сѣрый», отвѣчаетъ Graymalkin, жаба-paddock, что подробно объяснено переводчикомъ въ 3 и 4 примѣчаніяхъ къ тексту. — «Гниль» не отвѣчаетъ foul въ его сопоставленіи съ fair, которое и должно было бы дать норму для перевода (въ Schlegel-Tieck: Schön ist wüst und wüst ist schön); «высь ненастна» некрасива своимъ усѣченнымъ окончаніемъ.

Сл. переводъ Соколовскаго:

1-я вѣдьма. Вѣщимъ сестрамъ встрѣча гдѣ?
Въ бурѣ, въ громѣ иль въ дождѣ?

2-я вѣдьма. Въ часъ, когда зятихнетъ бой,
И грозы умолкнетъ вой (!).
3-я вѣдьма. Будетъ къ ночи встрѣча эта!
1-я вѣдьма. Мѣсто гдѣ?
2-я вѣдьма. Степная дебрь.
3-я вѣдьма. Встрѣтятъ сестры тамъ Макбета!
1-я вѣдьма. Котъ мяукнулъ!
2-я вѣдьма. Хрюкнулъ вепрь!
Всѣ три. Ложь и зло добромъ зовите,
Вихрь и буря, насъ несите.

Почему *вепрь* (въ отвѣтѣ второй вѣдьмы) замѣнилъ *жабу* — остается неизвѣстнымъ; развѣ по требованію стиха? Къ фразѣ «ложь и зло добромъ зовите» недостаетъ необходимаго, обратнаго положенія.

Наиболѣе хорошую переработку получила эта первая сцена у Кронеберга:

1-я вѣдьма.
Когда сойдемся мы опять —
Ужель (?) вновь въ бурю, въ дождикъ, въ градъ?
2-я вѣдьма.
Когда кровавый стихнетъ бой.
3-я вѣдьма.
Передъ вечернею порой.
1-я вѣдьма.
Но гдѣ же мѣсто?
2-я вѣдьма.
Степь вонъ эта.
3-я вѣдьма.
Мы встрѣтимъ тамъ....
1-я вѣдьма.
Кого?
2-я вѣдьма.
Макбета.

3-я вѣдьма.
Лягушка — вотъ! (?)
Всѣ.
Мяучитъ котъ!
Пора! пора!
Гроза гремитъ
Безъ черныхъ тучъ;
На небесахъ
Играетъ лучъ.
Сквозь паръ и дымъ
Летимъ, летимъ!

Рѣчь третьей вѣдьмы подлинника: There to meet with Macbeth распредѣлена въ переводѣ на трехъ вѣдьмъ; общій припѣвъ, кончающій сцену, преобразился до неузнаваемости: переводчикъ не понялъ значенія загадочныхъ словъ «*fair is foul* and foul is fair» или лучше, понялъ ихъ въ связи съ первыми словами Макбета, д. I., сц. 3:

So *foul and fair* a day I have not seen.

Юрьевъ переводитъ описательно:

Такой прекрасный ясный день, и вдругъ
Здѣсь смрадъ, а воздухъ полонъ гнили!

т. е. согласно съ толкованіемъ Вагнера (См. примѣчаніе 18 у Юрьева): во время битвы и на всемъ пути погода была прекрасна, воздухъ ясенъ, свѣжъ и чистъ, и вдругъ около встрѣченныхъ Макбетомъ старухъ — сырой туманъ и запахъ гнили. Другіе комментаторы подъ словомъ «день» разумѣютъ «битву», а подъ foul and fair — измѣнчивость военнаго счастія; въ такомъ случаѣ, говоритъ переводчикъ, не раздѣляющій впрочемъ этого мнѣнія, можно бы было перевести слова Макбета такимъ образомъ:

Такого дня я въ жизни не видалъ:
Ужасенъ такъ и такъ прекрасенъ былъ!

близко къ Соколовскому:

Мнѣ не случалось видѣть дня ужаснѣй
И вмѣстѣ съ тѣмъ славнѣй.

Кронебергъ переводитъ такъ, какъ будто дѣло шло о «грозѣ безъ тучъ»:

Какъ страненъ день: гроза безъ тучъ,
На небесахъ играетъ лучъ!

и это пониманіе fair and foul переноситъ въ заключеніе 1-й сцены I-го дѣйствія, гдѣ эти слова несомнѣнно употреблены въ другомъ болѣе отвлеченномъ значеніи.

Я не считаю приведенныхъ образчиковъ достаточными, чтобы мотивировать высказанный выше взглядъ на значенія и цѣли перевода, ибо онѣ заимствованы изъ эпизодовъ драмы менѣе существенныхъ для оцѣнки переводчика. Иное дѣло быть точнымъ или неточнымъ въ такой напр. сценѣ, какъ д. I, сц. 1, когда Макбетъ является къ вѣдьмамъ послѣ убійства Банко и Флинса (почему г. Юрьевъ постоянно пишетъ: Фліансъ = Fleance?) и перечисляются снадобья изъ дьявольской кухни; иное въ серьезныхъ партіяхъ драмы, напр. въ роляхъ Макбета и его жены. Послѣднія и даютъ мѣрку переводчика, укажутъ на его чувство *стиля*: третье, еще болѣе серьезное требованіе, чѣмъ вѣрность размѣру и риѳмѣ. Надо умѣть быть тривіальнымъ и поэтомъ заодно съ Шекспиромъ и вмѣстѣ владѣть мѣрой и чувствомъ соразмѣрности того и другого въ его языкѣ и нашемъ современномъ. Много тривіальнаго въ сценахъ вѣдьмъ, и оно должно быть удержано; въ другихъ случаяхъ тривіальное выраженіе перевода является результатомъ слишкомъ дословной передачи буквы, слова поэта, не разсчитывавшаго на такое именно впечатлѣніе, потому что мѣрка тривіальности съ тѣхъ поръ измѣнилась и намъ часто кажется сознательно-циничнымъ, что понималось безсознательно-реально. Эти замѣчанія о стилѣ могутъ быть такъ обобщены по отношенію къ лексикону переводчика: необходима

строгая сдержанность въ подборѣ словъ, скорѣе грѣшащая противъ дословности, чѣмъ противъ единства стиля. Нѣсколько примѣровъ, слѣдующихъ далѣе, имѣютъ вообще въ виду лексическія погрѣшности переводчика, откуда бы онѣ ни произошли. Д. I, сц. 2, вначалѣ (въ рѣчи Мэлькольма): sergeant не *сержантъ*; сц. 7 (въ рѣчи Макбета): *перемахнетъ* (черезъ сѣдло) = overleaps itself, гдѣ и образъ излишне развитъ; ibid. (лэди Макбетъ): screw your courage to the stocking place = лишь крѣпко *завинти ты силу духа*, что́ близко къ тексту, но комично; д. II, сц. 1: мѣсяцъ *сълъ*, *садится*; ib. сц. 3: подстерегаетъ гибель насъ — тутъ въ каждой *просверленной дыркѣ* = augre-hole; д. III, сц. 1: Макбетъ о Банко: Я бъ могъ — Безъ совѣсти зазрѣнья съ глазъ моихъ — Его *смахнуть* = sweep him from my sight.; ib. сц. 2 (лэди Макбетъ): Будь веселъ, ясенъ (?) съ нашими гостями — сегодня *ночью*: to-night (сегодня вечеромъ); ib. сц. 4: страхъ новичка, «который не *набилъ себѣ привычки*» = the initiate fear that wants hard use. Д. IV, сц. 2: (Россъ) *спокойся* (= успокойся) и *нашколь* сама себя = *school* yourself: созвучно, но не вѣрно и банально; ib. сц. 3: болѣзнь, которую «всѣ просто называютъ *зломъ*» = 'tis call'd the *evil*, въ значеніи *немочи*, не зла; д. V, сц. 3: образцы тривіальности, вдобавокъ не достигающей своей цѣли, ибо по-русски она не понятна. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, «*молочная харя*» (cream-faced), «*щеки полотняныя*» (linen-cheeks); «*творожная харя*» (whey-face)? — Соколовскій и Кронебергъ избѣжали здѣсь дословности, какъ и въ д. V, посл. сцена, переведя butcher (въ заклинательной рѣчи Мэлькольма) цареубійцей (Кронебергъ), палачомъ, не *мясникомъ*, тѣмъ менѣе *издохшимъ*:

Затѣмъ помощниковъ и мясника
Издохшаго сыскать, и сатану
Во образѣ жены, ихъ королеву.

Многіе изъ недочетовъ, собранныхъ въ предыдущемъ сопоставленіи, объясняются чрезмѣрнымъ желаніемъ переводчика спасти, насколько возможно, букву подлинника. Его стремленіе —

приравниться къ оригиналу, передавъ намъ въ самомъ дѣлѣ текстъ Шекспира, должно быть вмѣнено ему въ особое достоинство, которымъ его предшественники мало отличались. Результаты его борьбы съ оригиналомъ выходятъ иногда очень удачные. Такъ напр. въ д. I, сц. 1. Въ какомъ положеніи находилась битва, когда ты оставилъ её, спрашиваетъ Дунканъ раненаго воина:

Doubtful it stood:
As two spent swimmers, that do cling together
And choke their art....
.....
And fortune, on his damned quarrel smiling,
Show'd like a rebel's whore.

Юрьевъ: Въ сомнительномъ, король,
Какъ двухъ пловцовъ, которые, сцѣпясь
Другъ съ другомъ, выбившись изъ силъ, другъ друга
Искусныя усилья подрываютъ.
....
Сама богиня счастья,
Смѣясь рѣзнѣ проклятой, оказалась
Наложницей распутною злодѣя.

Кронебергъ:
Въ невѣрномъ: въ положеньи двухъ пловцовъ,
Когда они, схватясь, тѣснятъ другъ друга.
.....
И счастье, улыбаясь грудамъ труповъ,
Наложницею сдѣлалось его.

Соколовскій: Въ плохомъ сперва(?): противники сошлись,
Какъ два пловца, когда рѣшились оба
Они топить другъ друга....
.....
И кажется, фортуна, улыбнувшись
Его дурной затѣѣ(?), отдалась
Ему сперва(?), какъ уличная тварь.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ воина (Но какъ оттуда-то, откуда солнце) есть также мѣста лучше и ближе переведенныя, чѣмъ у другихъ, какъ удачно a-parte Макбета д. I, сц. 3.

Two truths are told,
As happy prologues to the swelling act
Of the imperial theme.

Юрьевъ: Сказаны двѣ правды,
Два пролога закончены вполнѣ
Передъ началомъ дивнымъ представленья,
Его же содержанье — царство.

Кронебергъ:
Сбылись два изреченія: разыгранъ
Прологъ, и драма царская растетъ.

Соколовскій: Сбылись двѣ правды!
Залогъ счастливый будущей развязки
Великихъ дѣлъ.

Сл. д. I, сц. 4 (Дунканъ), въ концѣ:

And in his commendations I am fed,
It is a banquet to me.

Юрьевъ: Хвалить его,
По правдѣ, пища для меня и пиръ
Моей душѣ.

Кронебергъ: Хвалить его — прямое наслажденье.

Соколовскій: Мнѣ любоваться (?) имъ
Отраднѣе, чѣмъ время проводить
На пиршествѣ (!)

Привѣтствіе Дункана лэди Макбетъ (д. I, сц. 6) было сгих не для однихъ русскихъ переводчиковъ:

See, see! our honour'd hostess!
The love that follows us, sometime is our trouble,
Which still we thank as love. Herein I teach you,

How you shall bid God yield us for your pains,
And thank us for your trouble.

Шнегель-Тикъ: Seht! unsre edle Werke!
Die Liebe, die uns folgt, wird oft uns lästig;
Doch dankt man ihr als Liebe. Lernt daraus
Noch Gottes Lohn für eure Müh uns geben
Und Dank für eure Last.

Кронебергъ сокращаетъ:

Моя хозяюшка, я вамъ такъ много
Принёсъ заботъ, но много и любви!
Примите жъ трудъ, любовью освященный (?).

Соколовскій описываетъ, не понимая:

А! вотъ и наша милая хозяйка!
Надѣлали мы много вамъ хлопотъ.
Что дѣлать! не взыщите: посѣщенье
Вѣдь вызвано любовью къ вамъ — любовь же
Подчасъ бываетъ людямъ тяжела.
Простите жъ намъ внезапность посѣщенья,
А Богъ за то проститъ и насъ и васъ. (!)

Сл. то же мѣсто у Юрьева, указывающаго на его темноту, происшедшую, быть можетъ, отъ порчи текста, и слѣдующаго въ переводѣ толкованію Стивенса:

Вотъ смотрите!
Сама почтенная хозяйка наша!
Любовь, когда она дружится съ нами,
Источникомъ бываетъ безпокойствъ;
Но мы ее благодаримъ всегда
За то лишь только, что любовь — она.
Такъ и теперь, желаю вамъ всѣхъ благъ
Отъ Бога, насъ за трудъ благодарите,

Что причиняемъ вамъ прибытьемъ нашимъ,
Что безпокоимъ вашу мы любовь.

Сл. еще извѣстное опредѣленіе жизни въ рѣчи Макбета, д. V, сц. 5:

Life's but a walking shadow; a poor player
That struts and frets his hour upon the stage
And then is heard no more: it is a tale
Told by an idiot, full of sound and fury,
Signifying nothing.

Кронебергъ: Что жизнь? Тѣнь мимолётная, фигляръ,
Неистово шумящій на помостѣ
И черезъ часъ забытый всѣми; сказка
Въ устахъ глупца, богатая словами
И звономъ фразъ, но нищая значеньемъ.

Соколовскій: Вся наша жизнь —
Пустая тѣнь; актеръ, что корчитъ рожи
На гаерскихъ подмосткахъ! Минетъ часъ
И нѣтъ его! Жизнь — сказка, что бормочетъ
Глупецъ другимъ глупцамъ! Изъ всѣхъ онъ силъ
Старается занять ихъ иль встревожить,
И ничего въ концѣ не выйдетъ, кромѣ
Глупѣйшихъ пустяковъ!

Юрьевъ: Жизнь — тѣнь лишь мимолётная! актеръ
Прежалкій на подмосткахъ: часъ одинъ
Урочный, величаясь; пощумитъ
Иль въ гнѣвѣ грозномъ покричитъ, а тамъ
Пропалъ — его уже не слышно! — сказка
Глупца, неистоствъ полная и грома,
А содержанья никакого!...

Впечатлѣніе прекраснаго перевода портитъ cheville для стиха: *прежалкій!*

Не всегда, впрочемъ, близость къ тексту Шекспира сопро-

вождается у нашего переводчика другимъ достоинствомъ: достаточной ясностью; первая нерѣдко вредитъ второй; о такихъ эпизодахъ перевода можно сказать: близко, да не ладно. Едва ли можетъ сказать подданный о своихъ обязанностяхъ къ королю, что они (т. е. обязанности) — «ваши дѣти, ваши слуги» (д. I, сц. 4 = our duties — are to your throne and state children and servants); желая, д. II, сц. 2, передать англ. to mock (the surfeited grooms — Do mock their charge with snores) переводчикъ допустилъ такую совсѣмъ непонятную фразу: «храпомъ — смѣется тамъ пьянѣйшая охрана». Неладна вышла близость къ тексту въ характеристикѣ сна, д. II, сц. 2: Макбетъ рѣжетъ (?) сонъ,

невинный сонъ,
Который нити спутанныхъ заботъ
Житейскихъ такъ свиваетъ стройно (?), эту
Смерть жизни ежедневной, эту ванну
Для всѣхъ измученныхъ трудомъ, бальзамъ
Для всѣхъ страдающихъ душевной болью,
Вторую перемѣну яствъ роскошныхъ,
Какими насъ природа угощаетъ,
И блюдо лучшее на пирѣ жизни.

«Вторая перемѣна яствъ роскошныхъ» была бы понятна, еслибъ слѣдовало непосредственно упоминаніе пира съ его перемѣнами; Шлегель-Тикъ его и вставили: Den zweiten Gang im Gastmahl der Natur; Кронебергъ и Соколовскій здѣсь обобщаютъ. Еще вопросъ: свивать, хотя бы и стройно, спутанное можно только, когда оно предварительно распутано: knits up.

Тѣ же замѣчанія можно сдѣлать и о многихъ другихъ мѣстахъ перевода: д. II, сц. 3 (Макбетъ: кинжалы «Въ вмѣстилищахъ, позорнѣйшихъ для нихъ — Изъ ссѣвшейся ужъ крови); д. III, сц. 2, гдѣ переводчикъ пытался было передать евфуистическую игру словомъ: peace, но переведя его однажды, во второй разъ его оставилъ, ограничившись описаніемъ, хотя повто-

реніе англійскаго текста можно было бы выразить и въ русскомъ:

Whom we, to gain our peace, have sent to peace;

Юрьевъ: Котораго мы на *покой* послали
Чтобъ мѣсто для себя его очистить,
вмѣсто: Чтобъ можно было *успокоиться* и намъ.

Не по-русски выходятъ и слѣдующія мѣста: д. III, сц. 4:

Охъ, эти мнѣ
Всѣ вспышки потрясенныхъ нервъ (?), испуги!
Луны на страхъ дѣйствительный они.

Въ д. IV, сц. 1, гдѣ прекрасно переведенъ хоровой припѣвъ вѣдьмъ (Удвояйте, удвояйте трудъ и силу чаръ! Клокочи котелъ, пылай огонь, взвивайся паръ!), мясо нечистое гадовъ должно «*распуститься въ пѣнѣ и парѣ котла*; тамъ же, сц. 3, время должно *освистать насмѣшками* (напеч., по ошибкѣ, насмѣшниками) разсказчика: an hour's age doth hiss the speaker. — Излишне близокъ и потому по-русски страненъ слѣдующій отзывъ о Макбетѣ, д. V, сц. 2: вѣрно,

Что *поясу порядка* не подъ силу
Связать его разбитаго, совсѣмъ
Больнаго дѣла (?)

Странно также выраженіе (д. V, сц. 5): «поужинать ужасомъ», I have supp'd full with horrors; сходно у Шлегеля-Тика; Кронебергъ и Соколовскій описываютъ.

Рядомъ съ неясностью, пропсшедшей отъ рабскаго послѣдованія тексту, разбираемый нами переводъ представляетъ и дѣйствительныя неточности, которыя онъ отчасти раздѣляетъ съ другими русскими переводами, иногда впрочемъ отвѣчая и за себя одного. Норвежскія знамена, *смьющіяся* надъ судьбою людей, не отвѣчаютъ образу оригинала: for our people cold (д. I, сц. 2). —

Въ д. I, сц. 2, въ рѣчи лэди Макбетъ совсѣмъ не поняты ея слова:

Thus thou must do, if thou have it,
And that which rather thou dost fear to do,
Thou wishest should be undone.

«Вотъ что ты долженъ сдѣлать, если хочешъ того достигнуть: то, что скорѣе боишься совершить, чѣмъ желаешь видѣть не совершённымъ». Сл. у Юрьева:

Ты вотъ что сдѣлай,
Когда желаннаго достигнуть жаждешь,
И именно то самое ты сдѣлай,
Чего страшишься болѣй, чѣмъ желаешь (!).

Не точно передана послѣдняя рѣчь лэди Макбетъ въ томъ же дѣйствіи, сц. 6, и причитанія Дункана: онъ беретъ подъ руку лэди Макбетъ, говоря: By your leave, hostess; Соколовскій: Идемте же, прекрасная хозяйка; Кронебергъ: Позвольте; Юрьевъ: Клянуся вашей жизнію, хозяйка (!). — Въ значительной сценѣ того же акта: False face must hide what the false heart doth know, Соколовскій ближе къ тексту, который Юрьевъ парафразируетъ: Пусть лжетъ лицо, когда и въ сердцѣ ложь. — Въ д. II, сц. 3 (въ концѣ) «прекрасно» неполно передаетъ то, что у Соколовскаго выражено лучше: «Рѣшено» (сл. д. V, сц. 1: хорошо, хорошо . . . . = well, well, well!); въ д. III, сц. 1, «преступленіе» въ первой рѣчи лэди Макбетъ — лишній шаржъ (unbecoming); тамъ же, въ сц. 4, извращены слова Макбета:

Пусть
Здоровое пищеваренье быстро
Здоровый вызываетъ аппетитъ!

«Good digestion wait on appetite», т. е. наоборотъ.

Въ д. IV, сц. 1 (въ концѣ): «Теперь — уже не нужны духи мнѣ» не передаетъ краткаго, но выразительнаго «no more sights» — «видѣнья, прочь» (Соколовскій); тамъ же, сц. 3 «пока» (въ рѣчи

Мэлькольма: онъ васъ ничѣмъ пока не оскорбилъ) даетъ нѣсколько иной колоритъ, чѣмъ «еще» = yet; въ послѣдней сценѣ того же акта: «ночь безразсвѣтная длинна» совершенно не отвѣчаетъ смыслу текста. The night is long that never finds the day; еще страннѣе переводъ Кронеберга: Ночь безразсвѣтная уже близка (!); понимать слѣдуетъ такъ: длинна же должна быть ночь, что не дождется разсвѣта, т. е. такой ночи не бывать и разсвѣтъ близокъ.— Тамъ же въ сц. 2 dwarfish thief указываетъ въ противоположность къ giant, что суть лежитъ въ понятіи карлика, не вора; у Юрьева: «на крошечномъ воришкѣ»; ibid. сц. 3: my way of life— Is fall'n into the scar, the yellow leaf: я состарѣлся, засохъ, поблекъ какъ листъ; сл. Юрьева: я дошелъ до засухи (?), пожелтѣлъ — И листъ. — Въ послѣдней сценѣ послѣдняго акта, Мэлькольмъ говоритъ:

> We shall not spend a large expense of time
> Before we reckon with your several loves
> And make us even with you.

Т. е.: не стану тратить время на то, чтобы съ каждымъ отдѣльно сосчитаться за его заслуги; онъ дѣйствительно тотчасъ же объявляетъ всѣхъ тановъ и родичей — графами. Переводъ Юрьева не отвѣчаетъ этому пониманію:

> Не будемъ расточительны на время,
> Пока вамъ не заплатимъ за любовь, и т. д.

Оставимъ въ сторонѣ сравненіе перевода съ оригиналомъ и ограничиваясь оцѣнкой перваго, какъ самостоятельнаго цѣлаго, отмѣтимъ нѣкоторыя неровности и недостатки въ языкѣ и стихѣ. Кое-что объяснится, быть можетъ, опечаткою; такъ въ д. I, сц. 7, въ рѣчи лэди Макбетъ есть что-то непонятное:

> Что жъ? Страшно стало очень
> Того добиться мужествомъ и дѣломъ,
> Чѣмъ ты уже въ твоихъ пыланьяхъ страстныхъ?

т. е. сталъ, что̀ не улеглось въ стихъ; въ д. II, сц. 1: «привѣтствовать брилліантами» — не по-русски, такъ же, какъ «отвсюду занавѣсившійся сонъ» (ib). Совсѣмъ безсмысленно говоритъ лэди Макбетъ въ д. III, сц. 2:

Ты все одинъ
Съ печальными бесѣдуешь мечтами?
Такія думы умереть должны бы,
Какъ умеръ тотъ, *кого всё въ мысляхъ*
Чего никакъ ужь воротить нельзя,
О томъ совсѣмъ и вспоминать не должно.

Здѣсь долженъ быть пропускъ стиха (Using those thoughts, which should indeed have died — with them they think on). Сл. ib., сц. 4 не-русское удареніе: за́ разъ, и не русское же выраженіе: лишать кого-нибудь своей особы (т. е. своего общества). Отмѣтимъ ненужную тривіальность выраженія: освободить отъ этой дряни (stuff) всей, что давитъ сердце (д. V, сц. 3) и тамъ же непонятное: Рви — Pull't of (сорви, сними). Странно также, ib. сц. 6, «дуть въ уши» обѣщанья и «обрывать» надежды, какъ некрасиво выходитъ (стр. 52) приказъ Макбета — убить Банко «въ нѣсколько далекомъ разстояньи» отъ его дворца; — можно ли выразить вопросъ: въ какое время дня или ночи? словами: какъ поздно? (стр. 65).

Подобно другимъ переводчикамъ-предшественникамъ, но сравнительно рѣже ихъ, и г. Юрьевъ добивается своего стиха путемъ натяжекъ и уловокъ. Чаще всего онъ развиваетъ сказанное въ одномъ или нѣсколькихъ стихахъ (сл. стр. 6, во второй рѣчи Росса, стр. 14, въ словахъ Банко: имъ все забыто; въ послѣдней рѣчи Макбета; стр. 67: въ партіи Гекаты; стр. 75: въ рѣчи 1-й вѣдьмы: Все знаетъ самъ и т. д. и окровавленнаго ребенка; стр. 90: Мэкдофъ, вставляетъ новые (стр. 17: Когда ужъ будетъ все совершено; 38: Да бейте жъ громче въ колоколъ соборный; см. еще стр. 41 сверху), иные опускаетъ (стр. 7 въ первой рѣчи Дункана; стр. 19: первыя слова вѣстника;

стр. 72 опущено послѣ общаго припѣва вѣдьмъ двустишіе второй вѣдьмы; см. на стр. 89 пропускъ въ партіи Мэлькольмъ, на стр. 101 въ рѣчи доктора: Не даромъ и т. д.), дозволяя себѣ недолжное употребленіе chevilles, т. е. пополненіе стиха короткимъ словомъ, иногда вовсе не нужнымъ для смысла, но потребнымъ для размѣра; въ тѣхъ же цѣляхъ иногда допущенъ и пропускъ необходимаго слова и невнятное сокращеніе. Сл. стр. 9:

Живете вы
Иль нѣтъ? Вы *то ль*, что можно вопрошать?

стр. 16: Дунканъ говоритъ: Дай мнѣ обнять—Тебя и къ сердцу моему прижать. Банко отвѣчаетъ:

Взойду и *здѣсь* какъ доброе зерно,
А жатва ваша будетъ, государь.

Гдѣ это здѣсь? Разумѣется: въ сердцѣ; можно бы читать: Взойду и въ немъ и т. д. — стр. 31: Да я кинжалы тутъ же положила; необходимо добавить: ихъ (т. е. служителей Дункана, на которыхъ и должно пасть подозрѣніе въ убійствѣ); читай: Я ихъ кинжалы и т. д. Сл. тамъ же неловкую постройку послѣдняго стиха: Все порѣшили бы давно!... А! мужъ! и негодную cheville на стр. 102 въ рѣчи Кетнесъ: Кто менѣе его *ужъ* ненавидитъ.

Высказанныя выше замѣчанія не умаляютъ неоспоримыхъ достоинствъ разобраннаго нами перевода, если не приложить къ нему критерія, который не выдержалъ ни онъ, ни другіе, привлеченные нами къ сравненію: критерія поэтическаго. За г. Юрьевымъ остается заслуга болѣе внимательнаго, вдумчиваго отношенія къ шекспировскому тексту и попытка — посильно передать его русскимъ словомъ, не слишкомъ переиначивая. Такіе именно переводы желательны у насъ, гдѣ переводческая дѣятельность еще не спеціализировалась, составляетъ не призваніе, а объектъ легкой заработки. Присудивъ г. Юрьеву пушкинскую премію, Академія поощритъ и появленіе новыхъ попытокъ на его, во всякомъ случаѣ не легкомъ пути.

Изъ Мицкевича. Переводы Н. П. Семенова. С.-Петербургъ. 1883, 8°, XVI, 169.

Изъ предисловія, предпосланнаго переводчикомъ настоящему сборнику, мы узнаемъ, что Николай Петровичъ Семеновъ еще въ началѣ 50-хъ годовъ сталъ переводить на русскій языкъ «Крымскіе сонеты» Адама Мицкевича, но издалъ ихъ лишь въ 1869 году по предварительной переработкѣ, согласно указаніямъ Н. Н. Страхова. Успѣхъ, который они нашли, и увѣщанія покойнаго К. А. Коссовича пробудили въ переводчикѣ желаніе испытать свои силы въ переводѣ болѣе объемистаго и болѣе труднаго произведенія поэта: поэмы «Конрадъ Валленродъ». Онъ началъ переводить ее въ октябрѣ 1870. окончилъ же въ мартѣ 1872 года. Затѣмъ въ 1874 году онъ перевелъ отрывокъ изъ поэмы «Pan Tadeusz» и лѣтъ почти на пять забылъ о своихъ поэтическихъ занятіяхъ. Съ марта до ноября мѣсяца 1879 года онъ перевелъ 15 мелкихъ стихотвореній Мицкевича, въ томъ числѣ касиду «Фарисъ» и «Оду на молодость»; наконецъ, въ декабрѣ 1880 года перевелъ еще два стихотворенія (эпиграммы въ 6 и 8 стиховъ). Всѣ эти переводы (за исключеніемъ одного 12-стишія «Маріи Шимановской», стр. 134) были уже напечатаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и въ изданіи Вольфа: «Сочиненія А. Мицкевича» («Конрадъ Валленродъ», «Къ . . . . *Когда-бъ я лентой сталъ*», «Ода на молодость», «Александру Ходзькѣ» и «Маріи П.»), въ настоящемъ же сборникѣ они вмѣстѣ собраны и изданы въ 1883 году.

Г. Семеновъ перечисляетъ въ этомъ введеніи или предисловіи также другіе *полные* переводы на русскій языкъ «Крымскихъ сонетовъ», поэмъ «Конрадъ Валленродъ» и «Панъ Ѳаддей» и касиды «Фарисъ»; что же касается переводовъ прочихъ стихотвореній Мицкевича на русскій языкъ (то есть, переводовъ тѣхъ стихотвореній, которыя и онъ перевелъ), то онъ лишь ссылается на библіографическія статьи С. И. Пономарева (Варшавскій

Дневникъ, 1880 [1]) годъ, № 125) и В. Мицкевича (при послѣднихъ парижскихъ изданіяхъ произведеній его отца; въ изданіи 1880 года она помѣщена въ концѣ VIII-го тома). Очень жаль, что г. Семеновъ, вмѣсто того, чтобы повторять за Мицкевичемъ-сыномъ одни имена переводчиковъ (стр. XIII), не потрудился провѣрить и, что̀ важнѣе, пополнить указаній обѣихъ этихъ статей; онъ оказалъ бы этимъ немаловажную услугу ученымъ, которые занимаются или намѣрены заняться критикой произведеній поэта и оцѣнкой ихъ вліянія, такъ какъ обѣ эти статьи очень неполны, находящіяся же въ нихъ указанія неточны или слишкомъ неопредѣленны; напр., В. Мицкевичъ нѣсколько разъ называетъ только переводчика, а не говоритъ, гдѣ напечатаны его переводы, или же цитуетъ названіе изданія, не указывая года, тома и страницы.

Тамъ же — въ предисловіи — г. Семеновъ заявляетъ, что онъ раздѣлилъ свой сборникъ переводовъ на три части (Поэмы — Разныя стихотворенія — Крымскіе сонеты) «ради удобства». Трудно догадаться, въ чемъ состоитъ это удобство. Каждый читатель, даже мало знакомый съ дѣломъ, замѣтитъ, что научная классификація или раціональное размѣщеніе стихотвореній выше и полезнѣе всякихъ удобствъ, тѣмъ болѣе техническихъ, которыми, какъ кажется, руководился издатель этого сборника. Въ данномъ случаѣ, лучше было бы размѣстить стихотворенія въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были написаны Мицкевичемъ. Группу «разныя стихотворенія» слѣдовало раздѣлить на двѣ: въ первой изъ нихъ (стихотвореній, написанныхъ раньше Крымскихъ сонетовъ, 1820—1825 года) надобно было помѣстить слѣдующія стихотворенія и въ такомъ порядкѣ: Первоцвѣтъ, *Долой съ моихъ очей...*, Маріи П., Въ альбомъ *, Ода на молодость, Александру Ходзькѣ (импровизація), Въ альбомъ Луизы Мацкевичъ, Въ альбомъ Г. Головинской, Д.... Д...., Разговоръ, Сонъ, *Когда лишь призракъ мой....* Затѣмъ слѣдовало поставить

[1]) А не «1850», какъ ошибочно напечатано (стр. XV).

«Крымскіе сонеты», поэму «Конрадъ Валленродъ» и въ самомъ концѣ сборника — другую группу разныхъ стихотвореній и отрывковъ въ хронологическомъ порядкѣ: Фарисъ, Маріи Шимановской, *Когда бъ я лентой сталъ*, отрывокъ изъ поэмы «Панъ Ѳаддей», *Полились мои чистыя слезы....*, Богдану Залѣскому, которыя были написаны Мицкевичемъ между 1828 и 1841 годами. Полное отсутствіе какой бы то ни было системы въ размѣщеніи стихотвореній [1]) и сопоставленіе рядомъ такихъ стиховъ какъ «Первоцвѣтъ», «Богдану Залѣскому» и «Ода на молодость» (стр. 113, 115, 116) доказываютъ, что переводчикъ не знакомъ съ біографіею поэта и что онъ не обращалъ вниманія на внутренній смыслъ или психологическую сторону переводимыхъ имъ стихотвореній. Заявленіе переводчика, что «разныя стихотворенія» слѣдуютъ одно за другимъ «въ томъ самомъ порядкѣ, какой принятъ въ парижскомъ польскомъ изданіи 1860—1861 года» (стр. XV), совершенно невѣрно: переводчикъ пропустилъ очень много *серединныхъ* стихотвореній и положительно ни въ одномъ польскомъ изданіи произведеній Мицкевича «Богдану Залѣскому» не поставлено обокъ съ «Первоцвѣтъ» и «Ода на молодость» или же «Полились мои чистыя слезы....» — не предшествуетъ «Александру Ходзькѣ», «Маріи П.» и другимъ стихотвореніямъ. Впрочемъ, что касается систематичной группировки стихотвореній Мицкевича, то и польскихъ парижскихъ изданій никто не признаетъ образцовыми, и если самъ переводчикъ того мнѣнія, что изданія, которымъ онъ пользовался, «нельзя назвать лучшимъ» (стр. XV), то почему же онъ не исправилъ въ немъ того, что слѣдовало исправить, то есть, раціональнѣе сгруппировать въ своемъ переводѣ стихотворенія поэта.

Въ концѣ предисловія г. Семеновъ говоритъ: «Если я не исказилъ внѣшней формы, въ которой вылились произведенія поэта, если вѣрно сохранилъ его образъ и передалъ духъ его,

---

[1]) Всѣ переводы, между прочими и «Разныя стихотворенія» не размѣщены даже въ томъ порядкѣ, въ какомъ были переведены г. Семеновымъ.

то я не напрасно трудился» (стр. XVI); поэтому и мы прежде всего разсмотримъ его переводы съ точки зрѣнія этихъ двухъ важнѣйшихъ требованій: вѣрной передачи внѣшней формы стихотвореній и мыслей поэта, въ нихъ высказанныхъ. Подвергнемъ обзору все, что́ помѣщено въ сборникѣ, и въ такомъ порядкѣ, въ какомъ переводы слѣдуютъ одинъ за другимъ.

Переводу поэмы «Конрадъ Валленродъ» предпосланъ переводъ предисловія, которое Мицкевичъ помѣстилъ во главѣ второго изданія ея (Poezye, S. Petersburg, 1829). Этотъ переводъ вѣренъ, лишь на 6 стр. 7 строка сверху переводчикъ прибавилъ отъ себя слово «снова», въ 10-й же строкѣ польское «możniejsi» невѣрно перевелъ по русски словами «самые могущественные», вмѣсто — болѣе могущественные.

Что касается внѣшней формы самой поэмы, то г. Семеновъ старался подражать подлиннику насколько позволяли это правила русскаго стихосложенія, во многомъ отличающіяся отъ правилъ польской просодіи. Мицкевичъ написалъ «Конрада Валленрода» стихами въ 11 слоговъ (4 стопы); стихъ перевода состоитъ также изъ четырехъ стопъ съ однимъ лишнимъ слогомъ въ стихахъ, имѣющихъ риѳму женскую. «Пѣснь» во II части поэмы, «Пѣснь изъ башни» въ III части, «Пѣснь вайделота», «Повѣсть вайделота» и «Баллада Альпухара» въ IV части поэмы переведены стихами того же размѣра, какой имѣютъ въ подлинникѣ; исключеніе представляетъ только «Гимнъ» въ началѣ II части, котораго стихосложеніе и размѣры отдѣльныхъ стиховъ (во второй части гимна) другіе, нежели въ польскомъ подлинникѣ. Строфы перевода соотвѣтствуютъ строфамъ польскаго текста и число стиховъ въ каждой изъ нихъ почти всегда то же, что́ въ подлинникѣ. На стр. 21 переводчикъ прибавилъ одинъ стихъ: «Нескромности толпы они тѣмъ избѣгаютъ», который затемняетъ смыслъ и нарушаетъ гармонію строфы, такъ какъ три стиха (стр. 21, строка 2, 3 и 5 сверху) имѣютъ вслѣдствіе этого одну и ту же риѳму. Затѣмъ въ «Повѣсти вайделота» (стр. 54—55)

прибавлены два лишніе стиха въ послѣднемъ отрывкѣ ея, а именно:

. . . . . найдешь утѣшенье, забудешь!
Многіе прежде князья получить твою руку стремились!
. . . . . и стала свободна.

Въ польскомъ текстѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ этимъ стиховъ [1]). Слѣдуетъ еще замѣтить, что сочетаніе стиховъ или риѳмъ въ переводѣ совершенно другое и не столь однообразное какъ въ строфахъ подлиннаго текста; исключеніе представляетъ одна только «баллада Альпухара», въ переводѣ которой размѣры стиховъ, число ихъ и строфъ и сочетаніе риѳмъ точь въ точь такіе же, какъ въ польскомъ текстѣ ея.

Въ первой части поэмы (стр. 13, строка 3 св.) выраженіе: «покинувъ *бытъ всегдашній*» неясно и не соотвѣтствуетъ польскому: zewsząd. Стихъ подлинника «Na radach spłynął dzień jeden i drugi» (т. е. совѣщанія длились *нѣсколько* дней) невѣрно и не логично переведенъ по-русски такимъ образомъ: «Въ совѣтахъ *день* прошелъ, *дней много* протекало» (стр. 13, стрк. 12 сн.). Выраженіе «леталъ черезъ водныя пучины» (стр. 13, стк. 3 сн.) тоже неудачно и неправильно въ сравненіи съ польскимъ «ścigał przez morskie odmęty» (сказано о Конрадѣ, гнавшемся за турками по морю). Въ стихѣ: «На память приводя *обѣтъ поста угрюмый*» слова набранныя курсивомъ противорѣчатъ тому, что было сказано выше о весельи, бесѣдахъ съ женщинами, и тексту подлинника, гдѣ поэтъ говоритъ о святости призванія: «Może wspomniawszy *świętoś powołania*». Слова перевода о Гальванѣ: «И Валленрода онъ *во всемъ сподвижникъ* сталъ» говорятъ чита-

---

[1]) По парижскому изданію 1860 г. сочиненій Мицкевича, т. II, стр. 147, эти стихи находятся и въ подлинникѣ:

. . . . . znajdziesz pociechę, zapomnisz!
Wielu książąt dawniéj o twą starało się rękę;
Jestés wolna . . . .

Слѣдовательно они не прибавлены Н. П. Семеновымъ, а переведены очень близко. *Я. Г.*

телю гораздо больше, нежели хотѣлъ ему сказать Мицкевичъ, ставя въ этомъ мѣстѣ поэмы стихъ: «On Wallenroda *samotność* podzieła»; поэтъ хотѣлъ этимъ мимоходомъ указать на то, что оба они — Валленродъ и Гальбанъ, имѣютъ какіе-то планы общіе или понимаютъ другъ друга, не желаютъ однако, чтобы другіе догадывались, что они дѣйствуютъ заодно; если бы поэтъ сказалъ то, что́ хочетъ переводчикъ, то его поэма въ значительной степени потеряла бы для читателя интересъ и не возбуждала бы столь сильно его любопытства этою, именно, таинственностью личности Гальбана и его отношеній къ главному герою поэмы.

Во второй части поэмы, выраженіе «домовой храмъ» (стр. 19, строка 2 св.) нелогично, потому что представляетъ contradictionem in adiecto и не соотвѣтствуетъ польскому слову «kaplica» (часовня). Ясное и простое двустишіе подлинника:

Wszystkie uderza stróny po kolei
Prócz jednéj stróny—prócz stróny wesela,

переведеног. Семеновымъ крайне неловко и неудачно:

Онъ по порядку струнъ ихъ всѣ переберетъ,
Не тронувъ лишь одной, *закрывъ на радость вѣжды.*
(стр. 16, строка 5—6 св.)

На стр. 20, строка 8 св., прибавленныя переводчикомъ слова «для отвѣта» нарушаютъ единство мысли въ цѣлой строфѣ. На той же страницѣ, строка 12 св., стихъ «У замка на крыльцѣ *стеклась толпа густая*» совершенно неясенъ: читатель готовъ предполагать, что тутъ рѣчь идетъ о постороннихъ зрителяхъ, толпѣ праздно шатающагося по улицамъ народа. Нѣтъ! Это часть рыцарей, собственно говоря, комтуровъ (всѣхъ ихъ было не больше двадцати), которые по прекращеніи совѣщаній вышли на балконъ или галлерею замка; въ подлинникѣ опредѣленно и ясно сказано: «Jedni zasiedli zamkowy krużganek». Слово *усердіе* въ стихѣ «Туда усердіе ей пищу подавало» (стр. 21, строка 4 св.) очень неопредѣленно и непонятно. Чье усердіе? въ подлинникѣ

тутъ стоятъ слова: «*pobożny lud* słał pożywienie». На стр. 22, строка 7 и 16 св., русскія слова: «*образы* людей» и «*отсталый* пилигримъ» не соотвѣтствуютъ польскимъ: «bliźnich *twarze*» и «*świętego* pielgrzyma». Въ I-й строфѣ пѣсни о Виліи (стр. 23) искажена мысль подлинника и нарушена цѣльность поэтической параллели между Виліею и Нѣманомъ — Литвинкою и ея возлюбленнымъ, вслѣдствіе того, что переводчикъ вмѣсто словъ: «piękna litwinka» поставилъ слова: «чудо-дѣвица»; то же самое въ послѣдней строфѣ этой пѣсни, гдѣ слово «вода» поставлено вмѣсто «Вилія».

Въ III-й части поэмы выраженіе «въ горѣ у Мендога» (стр. 27, строка 6 сн.) имѣетъ совершенно другое значеніе, нежели польское «na górze Mendoga» (по-польски сказано, что на горѣ, которая называется горою Мендога, находится ключъ воды, по русски же, что у Мендога въ горѣ есть ключъ воды). Два послѣдніе стиха «пѣснии зъ башни» (стр. 28) имѣютъ въ переводѣ такую форму:

Не жаль ничего мнѣ, хоть полны слезъ вѣжды,
Пускай ты все отнялъ, оставилъ надежды.

Каждый читатель несомнѣнно будетъ догадываться въ послѣднемъ стихѣ частицы *бы* (пусть бы ты все отнялъ, но оставилъ мнѣ лишь надежду), между тѣмъ смыслъ подлинника не тотъ; тамъ сказано: «Nic nie żałuję, choć gorzkie łzy leję, *Boś* wszystko odjął, zostawił nadzieję» (*ибо* ты все отнялъ, но оставилъ мнѣ надежду): переводчикъ пропустилъ союзъ и послѣднихъ предложеній не привелъ въ непосредственную связь и зависимость отъ предыдущихъ. Въ концѣ этой части поэмы (разговоръ Конрада съ отшельницей) можно замѣтить только двѣ болѣе выдающіяся неточности: на стр. 30, стк. 7 сн., въ подлинникѣ находимъ такой стихъ: «Wielkość, dla któréj jęczymy w niewoli», которому въ переводѣ соотвѣтствуетъ слѣдующій: «Изъ груди все объ немъ (величьи) стонъ жалобный летитъ», и на стр. 32, стк. 2 св.:

«О будемъ сами мы себѣ *защитой* мирной», между тѣмъ когда въ подлинникѣ сказано: «O miejmy *litość* nad sobą samemi!»...

Въ IV-й части поэмы замѣчаемъ отступленія отъ подлинника только въ отдѣльныхъ словахъ. Стр. 37, стк. 9 св., слово «młodych» г. Семеновъ переводитъ «смѣлыхъ»; слово «zbóje» переведено на русскій языкъ словомъ «воры» (стр. 38, стк. 6 св.); польское «szyderczy» — русскимъ «оживленный» (стр. 41, стк. 13 сн.); dokoła — сурово (стр. 45, стк. 2 сн.), wspomnienie — сознанье (стр. 48, стк. 2 св.), przeszłość — время (стр. 48, стк. 6 св.), zawsze — обычно (стр. 51, стк. 18 сн.), niegdyś — сперва (стр. 51, стк. 12 сн.), nieszczęście — скорбь (стр. 56, стк. 9 сн.), drużyny — сцены (стр. 56, стк. 1 сн.). Между «пѣснью» и «повѣстью» вайделота находимъ въ подлинникѣ такой стихъ: «Czy Niemcy daléj pozwolą mu śpiewać», который переведенъ слѣдующимъ образомъ: «Какъ Нѣмцы приняли восторженность пѣвца», что́, конечно, имѣетъ другое значеніе и что́ слѣдуетъ признать произвольнымъ измѣненіемъ или извращеніемъ мысли подлинника. Въ «повѣсти вайделота» очень неясно одно мѣсто, гдѣ описывается бѣгство Конрада и Гальбана (стр. 54, стк. 4—5 сн.):

. . . . . угадала ихъ бѣгство Альдона!
И *забѣжала въ долину*; печальна была у нихъ встрѣча.

Неясность произошла отъ того, что переводчикъ, какъ кажется, не понялъ и, слѣдовательно, неточно перевелъ слова подлинника: «drogę w dolinie *zabiegła*», то есть, побѣжала въ долину, чтобы пересѣчь имъ путь; иначе встрѣча не могла бы произойти.

Въ V-й части поэмы слова перевода: «Часъ гибели насталъ» (стр. 65, стк. 1 сн.) указываютъ на то, что́ будетъ, когда между тѣмъ «гибель» уже произошла и была подробно описана выше; въ подлинникѣ тутъ сказано: «wszystko zginęło» — и вѣрно: этимъ выраженіемъ поэтъ будто подвелъ итогъ всѣмъ подробностямъ, только что разсказаннымъ. Сейчасъ же въ слѣдующемъ стихѣ (стр. 66, стк. 1 св.) тоже замѣчаемъ неточность въ передачѣ мысли поэта: Мицкевичъ говоритъ: «On, co z oręża takiéj nabył

chwały», то есть, добился славы на войнѣ, г. же Семеновъ перевелъ этотъ стихъ такимъ образомъ: «И онъ, который такъ *удачей возносился*». Тамъ же (стк. 2 св.) переводчикъ вмѣсто слова roztroprość (благоразуміе) поставилъ слово «предвѣдѣнье», которое имѣетъ другое значеніе и придаетъ лишнюю и невѣрную, ничѣмъ не мотивированную черту къ характеристикѣ Конрада. На стр. 67, стк. 2 сн., сопоставленіе словъ «подъ *сводами плафона*» нелогично; поэтъ говоритъ о лампадѣ, висящей «na podniebiu sali». Въ послѣднемъ отрывкѣ этой части слѣдующій стихъ подлинника: «Wszyscy przysięgli *dobrowolnie zgodnie*» неточно переведенъ: «Всѣ поклялись *вездѣ*, *всегда*, *безъ лицезрѣнія*» (стр. 68, стк. 4 св.); неясенъ также стихъ «Тѣнь подозрѣнья насъ къ открытью привела» (стр. 68, стк. 15 св.), вслѣдствіе того, что переводчикъ передалъ не все и неточно то, что́ сказано въ соотвѣтствующемъ стихѣ подлинника: «Już nasze podejrzenie *stwierdzone dowodem*».

Послѣдняя, VI-я часть поэмы начинается слѣдующими стихами (стр. 71):

Вотъ утро зимнее, крутится вихрь и снѣгъ.
Подъ хладной Валленродъ мятелью правитъ бѣгъ;
У брега озера едва остановился,
Кричитъ и объ (!) стѣну стучитъ своимъ мечемъ.

Въ послѣднемъ стихѣ пропущено переводчикомъ дополненіе «башни» къ слову «стѣну», безъ котораго два послѣдніе стиха непонятны для читателя. Стр. 79, стк. 10 сн., поэтъ (слова Конрада) сказалъ: «*masz* nalaną czaszę», что значитъ: вотъ тебѣ наполненная чаша, переводчикъ же исказилъ эту мысль, поставивъ въ переводѣ слова: «*ты взялъ съ напиткомъ* чашу». Въ стихѣ: «Нѣтъ, сынъ, переживу *пускай мои надежды*» послѣднія слова принадлежатъ переводчику; они не идутъ къ смыслу: вѣдь Конрадъ осуществилъ уже надежды Гальбана и тотъ говоритъ въ подлинникѣ: переживу *и тебя*, мой сынъ: «Nie, ja przeżyję — *i ciebie*, mój synu!»

Въ переводѣ примѣчаній поэта къ поэмѣ Конрадъ Валленродъ замѣчаются тоже неточности. Въ I примѣчаніи (стр. 83) переводчикъ пропустилъ въ переводѣ слова поэта: «po polsku Malborg». На стр. 85 слова Мицкевича: «za czasów Miechowity powtarzano piosnkę oksiążęciu Zygmuncie» г. Семеновъ переводитъ такимъ образомъ: «во времена Меховскаго (должно быть: Мѣховиты, или Матвѣя изъ Мѣхова) повторяли небольшую (этого слова нѣтъ въ польскомъ текстѣ) пѣсню о князѣ Сигизмундѣ». На 86 стр. польское слово *treny* переведено: «заунывныя пѣсни» (должно быть *заплачки*). Тамъ же, стк. 7—8 сн., слова «по народному преданію» ошибочно отнесены къ слову «предшествуетъ», а не къ слову «описанное», какъ слѣдовало бы; тамъ же, стк. 4 сн., по всей вѣроятности опечатка: должно быть *1735*, а не «1753» годомъ. На стр. 87, стк. 15—16 сн., переводчикъ отъ себя прибавилъ слова: «которые обыкновенно предшествуютъ великимъ несчастіямъ или смерти и»; стр. 90, стк. 7 св., прибавлено въ переводѣ слово: «язычникомъ». Переводчикъ не знаетъ также, что значитъ слово «krzyżacy». Оно въ польскомъ языкѣ означаетъ только рыцарей Тевтонскаго ордена. Г. Семеновъ переводитъ это слово на русскій языкъ словомъ «крестоносцы» (стр. 83, стк. 4 св.; стр. 86, стк. 4 св.; стр. 89, стк. 7 сн.), которое соотвѣтствуетъ польскому «krzyżownicy», обозначающему вообще всѣхъ, принимавшихъ участіе въ крестовомъ походѣ.

Отрывокъ изъ поэмы «Панъ Ѳаддей» (стр. 93—96) переведенъ стихами того же размѣра, какъ поэма «Конрадъ Валленродъ»; между тѣмъ такой размѣръ стиха не соотвѣтствуетъ тому, которымъ Мицкевичъ написалъ поэму «Панъ Ѳаддей»; въ послѣдней стихъ состоитъ изъ 13 слоговъ и пяти стопъ. Что касается вѣрности перевода, то лишь въ двухъ мѣстахъ не удалось переводчику передать того, что сказано въ подлинникѣ. Мы находимъ тамъ слѣдующее двустишіе:

Pomniki nasze! ileż co rok was pożera
Kupiecka lub *rządowa moskiewska* siekiera! Мицкевичъ

укоряетъ купцовъ и русское правительство въ томъ, что они истребляютъ литовскіе лѣса. Переводчикъ не отмѣтилъ въ своемъ переводѣ этого оттѣнка мысли поэта:

О памятники, васъ по скольку каждый годъ,
Купца или *Москвы* топоръ у насъ сѣчетъ (стр. 94, стк. 9—10 сн.). Затѣмъ на стр. 96, стк. 3 св., переводчикъ говоритъ о бѣлкѣ: «скакунья вдругъ *стрѣляетъ*» (въ подлинникѣ: *skacze gajów tanecznica*»). Въ одномъ изъ стиховъ этого отрывка Мицкевичъ, говоря: «Wszak lipa czarnolaska na głos Jana czuła», напомнилъ извѣстный каждому образованному поляку фактъ; переводчикъ такимъ образомъ перевелъ этотъ стихъ:

Вѣдь чернолѣсскою той липой въ оны лѣта
Былъ вдохновленъ *Иванъ*..... (стр. 94, стк. 5 сн.); пойметъ ли русскій читатель, о комъ тутъ идетъ рѣчь? — Переводчикъ, употребивъ форму «Иванъ» вмѣсто общепринятой и литературной «Янъ», не позволяетъ читателю догадаться, что этотъ отрывокъ относится къ знаменитѣйшему изъ *польскихъ* поэтовъ XVI столѣтія.

Примѣчанія къ этому отрывку изъ «Панъ Ѳаддей» переведены не совсѣмъ удачно. Въ подлинномъ текстѣ перваго примѣчанія сказано: «kilkunasto-tysiączne wojsko» (*десять съ небольшимъ* тысячъ), въ переводѣ же: «*сто*тысячное войско» (стр. 97, стк. 7—8 св.). Стр. 97, стк. 9 сн., слово «z dziejów» переведено словомъ «изъ преданій». Тамъ же стк. 5 сн. сказано въ примѣчаніи: «возный, избранный судебнымъ учрежденіемъ или судомъ»; какая же разница между *судебнымъ учрежденіемъ* и *судомъ?* Мицкевичъ въ примѣчаніи говоритъ по польски: «woźny wybrany uchwałą trybunalską lub sądową», что́ и значитъ: избранный трибуналомъ (земскій судъ высшей инстанціи) или какимъ-нибудь другимъ судомъ. Въ томъ же примѣчаніи въ подлинникѣ поэтъ объясняетъ, что возный былъ выбираемъ «ze szlachty osiadłéj» (то есть, изъ числа шляхтичей, владѣвшихъ небольшимъ участкомъ земли); г. Семеновъ переводитъ это такъ: «возный избран-

ный судомъ *вмѣстѣ съ помѣстной шляхтой*». «Robić wizye» не значитъ «свидѣтельствовать акты» (стр. 97, стк. 2—3 сн.), но осмотрѣть что-нибудь, напр., границы имѣній, раны, нанесенныя кому-нибудь, тѣло убитаго на мѣстѣ убійства и т. п. На стр. 98, стк. 4 св. сказано въ переводѣ, что Гедиминъ «заложилъ» городъ Вильно (должно быть: основалъ). Тамъ же стк. 9 сн. слово *святыня* значитъ по польски *świątynia*, а не świętość (что-нибудь святое). Стр. 98, стк. 1 сн., слѣдуетъ читать Каневскій, вмѣсто Коневскій.

Касида Мицкевича «Фарисъ» по внѣшней формѣ принадлежитъ къ лучшимъ и выдающимся его стихотвореніямъ; она состоитъ изъ стиховъ въ 8, 11 и 13 слоговъ (3, 4 и 5 стопъ); каждая почти строфа этого стихотворенія представляетъ иную комбинацію или сочетаніе этихъ трехъ размѣровъ стиха; сочетаніе риѳмъ тоже самое разнообразное. Переводчику не вполнѣ удалось дать своему переводу такую же внѣшнюю форму, какую имѣетъ подлинникъ. Нѣкоторыя строфы его перевода тождественны съ соотвѣтствующими имъ строфами подлинника, но есть и такія, которыя многимъ отличаются отъ него, какъ напр. нижеслѣдующая (стр. 105).

О Боже! не первый я здѣсь!.... За песчанымъ холмомъ
Ряды укрѣпленнаго войска блистаютъ....
Пути ли имъ нѣтъ, иль въ засадѣ добычи они выжидаютъ?
Ужасно всѣ бѣлы: и кони, и сами бойцы!...
Скачу къ нимъ: стоятъ, я взываю: молчатъ... это все мертвецы!...
Погибъ караванъ тутъ въ давнишнія лѣта,
Въ пескахъ его вѣтеръ отрылъ!...
Вотъ кости людей на верблюжьихъ скелетахъ;
Изъ ямокъ, гдѣ глазъ ихъ свѣтилъ,
Изъ челюстей бѣлыхъ, утратившихъ тѣло,
Песокъ выбѣгаетъ струей,
И шумъ раздается зловѣщій такой:
«Бедуинъ безумный, смѣло
Что летишь? тамъ ураганъ!»

Эта строфа въ подлинникѣ имѣетъ такую форму:

Przebóg! ja tu nie pierwszy!... Śród piaszczystéj kępy
Oszańcowane świecą się zastępy...
Czy błądzą, czy z zasadzki czatują na łupy?
Jeźdzce w bieli i konie straszliwéj białości!...
Przybiegam, — stoją; wołam — milczą... To są trupy!...
Starożytna karawana
Wiatrem z piasku wygrzebana!...
Na skieletach wielbłądów siedzą jeźdzców kości;
Przez jamy, gdzie były oczy,
Przez odarte z ciała szczęki,
Piasek strumieniem się toczy,
I złowrogie szemrze jęki:
«Beduinie opętany!
Gdzie lecisz? tam huragany!»

Переводчикъ неточно передалъ мысль подлинника только въ трехъ мѣстахъ: въ первомъ стихѣ (стр. 101, стк. 5 св.) онъ прибавилъ слово «пловецъ» и отнесъ къ нему прилагательное «веселый» (въ подлинникѣ: «Jak łódź wesoła....», въ переводѣ: «Какъ лодка съ веселымъ пловцомъ...»). Читатель не знаетъ, о какихъ ударахъ идетъ рѣчь въ стихѣ: «Мчусь, удары чаще стали» (стр. 103, стк. 2 св.)? копытъ коня или наносимыхъ коню всадникомъ? — въ подлинникѣ ясно сказано: Pędzę i *podwajam razy*». Въ одной изъ серединныхъ строфъ поэтъ сказалъ: «*Stepy* z drogi, chmury z drogi», переводчикъ же, быть можетъ, по недосмотру принялъ слово *śtepy* за *sępy* и перевелъ этотъ стихъ такимъ образомъ: «Тучи, *коршуны*, съ дороги» (стр. 105, стк. 2 св.).

Въ стихотвореніи «Первоцвѣтъ» (стр. 113) два послѣдніе стиха 3-й строфы таковы:

Вѣдь сгубитъ инея зубокъ,
Жемчужинка росы холодной.

Переводчикъ пропустилъ въ первомъ изъ этихъ стиховъ прямое дополненіе: «cię», во второмъ же — слово «lub»; поэтъ сказалъ: укройся, цвѣтокъ, вѣдь сгубитъ *тебя* зубокъ инея *или* жемчужинка росы холодной. Выраженіе: «вѣнокъ то будетъ *изъ вѣнковъ*» (стр. 114, стк. 4 св.) совершенно ясно, но оно не тождественно съ польскимъ: «Wianek to będzie *nad wianki*» (вѣнокъ лучше всѣхъ другихъ какихъ-либо вѣнковъ). Мысль послѣдней строфы этого стихотворенія искажена:

Czym kochanki godzien rączek
Powiedz, niebieska Marylko! говоритъ Мицкевичъ, «Marylka» или Марія (Верещака) — историческое лицо: предметъ первой любви поэта; «Первоцвѣтъ», это первыя стихотворенія его, которыя онъ ей подноситъ. Переводчикъ зналъ объ этомъ (ср. примѣчаніе на стр. 130), однако же вмѣсто имени «Марія» позволилъ себѣ поставить въ переводѣ своемъ какое-то имъ самимъ придуманное имя *Лила*:

Ужель я милыхъ рукъ нисколько
Не стою, Лила ? — дай отвѣтъ!

Въ стихотвореніи «Богдану Залѣскому» (стр. 115) невѣрно передана мысль только предпослѣдняго стиха: «Насъ чудо ждетъ»— что̀ указываетъ на чудо, имѣющее происходить въ будущемъ; между тѣмъ поэтъ сказалъ, что это чудо уже произошло: «i *stał się* cud!»

«Оду на молодость» лучше было бы озаглавить: «Ода къ юности», тѣмъ болѣе, что въ самомъ переводѣ словà: *юность*, *юноша* употреблены пять разъ (стр. 116, стк. 2 св. и 10 сн.; стр. 117, стк. 7 св. и 5 сн.; стр. 118, стк. 1 св.), слово же *молодость* — одинъ разъ (стр. 118, стк. 9 сн.). Слова подлинника: «i ten szczęśliwy, kto padł wśród zawodu» значитъ: и тотъ блаженъ, кто умеръ раньше, нежели добился того, къ чему онъ стремился; между тѣмъ переводчикъ передаетъ этотъ стихъ такъ:

Счастливъ, кто тѣломъ легъ своимъ,
Ведя *съ неправдой бой кровавый.*

Въ предпослѣдней строфѣ этого стихотворенія (стр. 118, стк. 7 и 9 сн.) переводчикъ произвольно переставилъ слова: *молодост* и *любовь*, вслѣдствіе чего, конечно, мысль перевода не соотвѣтствуетъ мысли подлинника.

Стихотвореніе «Къ . . . .» (стр. 119) переведено безукоризненно. Оно, правда, помѣщено во всѣхъ изданіяхъ стихотвореній Мицкевича, но едва ли было имъ написано; авторомъ его былъ Николай Вонтъ, какъ заявляетъ одинъ изъ волынскихъ помѣщиковъ, знавшій его лично, и у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя противорѣчили бы этому (ср. варшавское ежемѣсячное изданіе Ateneum, за 1879 годъ, томъ I, стр. 398). Въ стихотвореніи «Сонъ» (стр. 124, стк. 7 св.) слово *забавы* не значитъ того, что польское *pieszczoty*. Въ стихотвореніи «Когда лишь призракъ мой. . . .» (стр. 125) переводчикъ неудачно передалъ по-русски слѣдующій стихъ подлинника: «Jest u mnie kraj, *ojczyzna myśli mojéj*» словами: «Есть край родной, *гдѣ мысль познала божество*», значеніе которыхъ неопредѣленно и неясно. Въ стихотвореніи «Александру Ходзькѣ» слова подлинника: «Precz żal niemęski, precz żal niewieści» относятся какъ къ самому поэту, такъ и къ его товарищамъ, къ которымъ онъ говоритъ и которыхъ призываетъ оставить эти чувства жалости; переводчикъ употребилъ въ переводѣ мѣстоименіе *вы* («Прочь жалость, прочь *вы*, съ женскими сердцами», стр. 128, стк. 1 св.), и вслѣдствіе этого приведенный выше стихъ его перевода выражаетъ ту мысль, что поэтъ, не раздѣляя съ друзьями или товарищами чувства жалости, какъ будто упрекаетъ ихъ въ томъ, что у нихъ «женское сердце» и съ презрѣніемъ говоритъ: идите прочь! Эта строфа перевода вообще неясна: читатель (не знающій подлинника) не догадается, къ кому относится это мѣстоименіе *вы* въ первомъ стихѣ и затѣмъ въ третьемъ («*Вы* повѣсть *всѣ* послушайте мою»); въ подлинникѣ сказано: «*Bracia*! słuchajcie dzikiéj powieści».

Въ эпиграммѣ «Маріи П.» (стр. 131) особенно неудачно переведены два серединные и послѣдній стихъ. Въ двухъ серединныхъ поэтъ говоритъ:

Gdy mi dziwactwo losu i twój wyrok wzbrania,
Równie święte a milsze powtarzać nazwania;

это дословно значитъ: «когда прихоть судьбы (конечно, *моей*) и твоя воля возбраняютъ мнѣ повторять такъ же священныя, но болѣе милыя названія»; между тѣмъ переводчикъ:

Когда твоей судьбы мнѣ прихоть возбраняетъ
Названья милыя, священныя равно —

отнесъ мѣстоименіе «твоя» къ слову «судьба» и пропустилъ слова *wyrok* (воля, приказаніе) и *powtarzać* (повторять). Въ послѣднемъ же стихѣ Мицкевичъ говоритъ:

I pamiątki kochanka przyjmij z ręki brata.

«Pamiątki kochanka» — это стихотворенія, къ которымъ ты меня вдохновляла, въ которыхъ я воспѣлъ мою любовь къ тебѣ, прими отъ меня, какъ отъ брата, коль скоро я не могу уже быть твоимъ мужемъ. Развѣ слова перевода «память милаго» тождественны съ «pamiątki kochanka»? Кромѣ того этотъ стихъ перевода

И память милаго изъ рукъ прими ты брата...

неясенъ и потому, что переводчикъ вмѣсто существительнаго (kochanka) поставилъ прилагательное *милаго*, которое читатель можетъ принять за опредѣленіе существительнаго *брата*.

Подъ заглавіемъ «Крымскіе сонеты» (стр. 137) выставлены годы «1850—1853», несмотря на то, что въ предисловіи (стр. VIII) сказано, что они были переработаны въ *1869* году. При этой переработкѣ г. Семеновъ принялъ во вниманіе замѣчанія, сдѣланныя Н. Н. Страховымъ. Кажется, что они были мѣтки, такъ какъ въ сонетахъ очень мало такихъ стиховъ, въ которыхъ

мысль подлинника была бы передана невѣрно. Восьмой стихъ II-го сонета:

Maitek wytknął, podróżne rozśmiało się grono,

переведенъ такимъ образомъ: «Легко вздохнулъ матросъ, насталъ веселья мигъ». Тутъ невѣрно переведено слово *wytknął*; оно значитъ, что вдругъ показался матросъ тамъ, гдѣ не ожидали увидѣть его, и это побудило къ смѣху путешественниковъ, незнакомыхъ съ жизнью и занятіями матросовъ. Въ 5 стихѣ V-го сонета неясно значеніе словъ: «не *казнь*-ли Цареграду» послѣ предшествующаго «зарево»; лучше и точнѣе было бы сказать: пожаръ ли Цареграда. Въ XI-мъ сонетѣ мы находимъ выраженіе: «какъ радуги *долины*»; въ подлинникѣ сказано: «niby tęczy *kosa*» (коса, кругъ). Въ XII-мъ сонетѣ (стр. 150, стк. 2—1 сн.) польское слово *pieszczoty* переведено на русскій языкъ словомъ *игла* (въ стихотвореніи «Сонъ» — словомъ *забавы*). Въ XIII-мъ сонетѣ неправильно поставлена точка въ концѣ третьей строфы: послѣдній стихъ ея: «Толмачъ творенія межъ небомъ и землей» непосредственно относятся къ слову «Чатырдагъ», находящемуся въ слѣдующей строфѣ. Въ послѣднемъ, наконецъ, стихѣ XVIII-го сонета недостаетъ опредѣленія «твоего» при существительномъ «чела» — безъ него стихъ этотъ неясенъ.

Сравнивая переводы съ подлинными стихотвореніями, кромѣ упомянутыхъ неточностей, кое-гдѣ замѣчаемъ еще другія, менѣе важныя, а именно: переводчикъ неоднократно ставитъ тотъ или другой глаголъ не въ томъ же самомъ времени, въ какомъ онъ поставленъ въ подлинныхъ стихотвореніяхъ, въ особенности же вмѣсто настоящаго употребляетъ прошедшее или будущее время. Напр. «И долгіе часы въ окрестностяхъ *блуждаютъ*» (стр. 21, стк. 5 св., въ подлинникѣ: «*Błądzili* kilka godzin w okolicy»); «Не *выду*, не могу» (стр. 77, стк. 10 св., у Мицкевича: «Wyniść nie *mogę*, nie chcę»). «Чувствъ *лишился* вдругъ» (стр. 81, стк. 7 св., у Мицкевича: «bez czucia *pada*»).

Съ поверхности крупный песокъ заметаетъ,
Надъ клубами пыли, послушенъ и смѣлъ,

Все выше и выше ужь онъ *полетѣлъ* (стр. 102, у Мицкевича: *wylata*), или же:

Взвылъ вѣтеръ! Сорвался корабль съ узды насилья,
Въ сугробахъ пѣнистыхъ нырнулъ, хребетъ подъялъ,

(стр. 141), у Мицкевича всѣ глаголы въ настоящемъ времени:

Wiatr! Wiatr! Dąsa się okręt, zrywa się z wędzidła,
Przewala się, nurkuje w pienistéj zamieci.

Переводчикъ употребляетъ иногда другіе грамматическіе обороты, въ особенности же страдательные вмѣсто дѣйствительныхъ, безличные вмѣсто личныхъ и т. п. Напр. въ стихотвореніи: «Долой съ моихъ очей.... (стр. 120—121): «Исполнить памяти обоихъ не дано» (по-польски: «Moja i twoja pamięć nie posłucha»). «Та пѣсня самая ему была пропѣта» (у Мицкевича: «Śpiewałam jemu tę samą piosenkę»). «Романа нашего былъ не такой конецъ?» (у Мицкевича: «Czemu nasz romans tak się nie zakończył?»). Или напр. въ VIII-мъ Крымскомъ сонетѣ: «И брошенъ въ глубь души былъ червь воспоминанья» (стр. 146, стк. 6 св., у Мицкевича: «Rzuciły w głębi serca pamiątek owady»).

Вмѣсто слова, имѣющаго спеціальное значеніе переводчикъ ставитъ болѣе общее слово и наоборотъ, или употребляетъ синонимы, напр. *Тевтонъ* (стр. 9, стк. 3 св., вмѣсто тевтонскій орденъ), *паладинъ* (стр. 10, стк. 5 св., вмѣсто niemiec), *инокъ* (стр. 39, стк. 9 св., вмѣсто samotnik), *высь* (стр. 58, стк. 7 св., вмѣсто wieża), *рабомъ* (стр. 59, стк. 12 св., вмѣсто wasalem); *смѣлыхъ* (стр. 37, стк. 10 св., вмѣсто młodych), *неистощимый* (стр. 63, стк. 2 сн., нмѣсто nieprzeliczony), *лучшихъ* (стр. 119, стк. 7 сн., вмѣсто świeżych); *разилъ* (стр. 9, стк. 8 св., вмѣсто mordował) и т. д.

Переводчикъ пропускаетъ время отъ времени опредѣленія,

дополненія, вводныя слова, такъ напр. стр. 20, стк. 3 сн., пропущено слово *darmo*; стр. 38, стк. 12 сн. — *otyły*; стр. 39, стк. 3 св. — *marny*; стр. 40, стк. 5 сн. — *dziś*; стр. 48, стк. 3 св. — *zdało się*; стр. 65, стк. 11 сн. — *strwożony, ciekawy*; стр. 77, стк. 6 сн. — *wkrótce, nagle*; стр. 143, стк. 10 св. — *wśród niebios obwodu*, и т. д. И напротивъ, довольно часто употребляетъ такіе эпитеты, дополненія, которыхъ нѣтъ въ стихотвореніяхъ Мицкевича, напр. стр. 10, стк. 7 сн. — пѣвцы долинъ и горъ; стр. 13, стк. 9 св. — по строгомъ совѣщаніи; стр. 14, стк. 10 сн. — какъ отъ чумы; стр. 69, стк. 11 сн. — торжественно и строго; стр. 151, стк. 9 сн. — куда взойдемъ изъ праха и т. п. Напр. въ нижеслѣдующей строфѣ касиды «Фарисъ» (стр. 102):

Зеленая пальма съ *роскошнымъ* плодомъ
И съ тѣнью *своей* ожидаетъ напрасно:
Ужъ я отрываюсь отъ лона *прекрасной*,
И пальма бѣжитъ *отъ меня* со стыдомъ;
Скрываясь, въ оазисъ *родимый* несется
И шелестомъ листьевъ надъ гордымъ смѣется,

прибавлены переводчикомъ всѣ подчеркнутыя слова. Такого рода прибавленія или амплификаціи не всегда удачны, ничѣмъ не мотивированы и противорѣчатъ иногда мысли подлинника, какъ напр., кромѣ указанныхъ выше (на стр. 21, стк. 2 св. и на стр. 54, стк. 1 сн. — стр. 55, стк. 1—2 св.), на стр. 21, стк. 1 сн.: «въ черной къ свѣту злобѣ», или на стр. 56, стк. 1 сн.: «Какъ тѣнь врага, *что палъ печальной жертвой мщенья*» (у Мицкевича: «Jak *zabitego* cień nieprzyjaciela,

Во многихъ мѣстахъ или отрывкахъ переводовъ порядокъ и связь мыслей и предложеній не тѣ, что въ подлинныхъ стихотвореніяхъ поэта. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

У Мицкевича:

Słuchałem pieśni... zanadto niestety!
Stało się, stało... Znam cię zdrajco stary!...

Wygrałeś!... wojna, tryumf dla poety!
Dajcie mi wina, spełnią się zamiary!

переводъ:

Ты побѣдилъ, поэтъ — пускай кипитъ война!
Наслушался, увы... узналъ я пѣсенъ чары!...
Свершилося... Знакомъ ты мнѣ, измѣнникъ старый!...
Исполнится обѣтъ, давайте мнѣ вина! (стр. 57).

У Мицкевича:

Zmienił zamiary, nową przyjaźń zdradził,

переводъ:

Вдругъ обманулъ друзей, перемѣнилъ свой планъ, (стр. 63).

У Мицкевича:

Dam się namówić, rzucę tę pieczarę,

переводъ:

Покину этотъ склепъ и дамъ себя склонить, (стр. 74).

У Мицкевича:

Słońce krwawo zachodzi, z niém reszła nadziei,

переводъ:

Надежды нѣтъ, зашло кровавое свѣтило (стр. 142).

У Мицкевича:

Nam, czy słońce dopieka, czyli mgła ocienia,
Czy szarańcza plon zetnie, czy giaur pali domy,
Czatyrdahu, ty zawsze głuchy, nieruchomy,
Między światem i niebem jak drogman stworzenia,
Podesławszy pod nogi ziemie, ludzi, gromy,
Słuchasz tylko, co mówi Bóg do przyrodzenia,

переводъ:

Летитъ ли саранча, гяуръ ли жжетъ намъ домы,
Палитъ ли солнце насъ, объяты ли мы тмой, —
Толмачъ творенія межъ небомъ и землей. (точка!)

Подъ ноги подостлавъ людей, и долъ, и громы,
Ты, Чатырдагъ, среди природы, глухъ и строгъ,
Внимаешь лишь тому, что̀ говоритъ ей Богъ. (стр. 151).

Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что переводчикъ во многихъ случаяхъ сокращаетъ подлинный текстъ, а именно, фигуры, тропы и поэтическія описанія, такъ что въ переводѣ они не столь красивы, не столь полны и не столь картинны. Напр. въ подлинникѣ сказано: «*Rzucal* lutnię *i* pieśni *nie śpiewal*», въ переводѣ же: «И лютни *прерывалъ* восторженныя пени» (стр. 17, стк. 2 св.), У Мицкевича: «Rwą się okopy, mur wali», въ переводѣ же: «Стѣны въ обломкахъ лежатъ» (стр. 58, стк. 12 св.).
У Мицкевича:

Rzuca się, krzyczy, ściąga ramiona:
Chciałby uściśnieniem wieczném
Wszystkich Hiszpanów przykuć do łona,
Śmieje się śmiechem serdecznym;

въ переводѣ: Съ криками рвется, объятіемъ вѣчнымъ
Хочетъ Испанцевъ всѣхъ сжать;
Къ сердцу онъ, смѣхомъ залившись сердечнымъ
Ихъ бы хотѣлъ приковать (стр. 60),

или же непосредственно слѣдующая за этой строфа

У Мицкевича:

Śmiał się—już skonał—jeszcze powieki,
Jeszcze się usta nie zwarły:
Uśmiech piekielny został na wieki
Do zimnych liców przymarły,

въ переводѣ же:

Смѣхомъ и кончилъ онъ — губы и вѣки
Въ мукахъ при страшномъ концѣ
Все не сомкнулись, смѣхъ адскій навѣки
Замеръ на хладномъ лицѣ.

У Мицкевича: W tem jednem, jednem tylko słowie:

Jest cały wyrok. Въ переводѣ же сказано просто «Въ томъ словѣ приговоръ» (стр. 70, стк. 1 св.).

У Мицкевича: Kracząc lśniącemi szpony w oczy mi urągał, въ переводѣ же: «И каркая, когти свои выпускалъ» (стр. 103, стк. 7 сн.).

У Мицкевича: Moja pieszczotka gdy w wesołéj chwili
Pocznie szczebiotać i kwilić i gruchać:
Tak mile grucha, szczebiocze i kwili,

въ переводѣ: Когда моя пташка начнетъ ворковать,
Въ минуту веселья щебечетъ, играя,
И мило воркуетъ.... (стр. 122).

У Мицкевича: Że ja kochania mojego nie zdołam
Dosyć *wymówić*, *wyrazić*, *wyśpiewać*...

въ переводѣ же:

Что *выразить* вполнѣ ни въ пѣснѣ, ни въ словахъ
Моей любви къ тебѣ я средствъ не обрѣтаю, (стр. 123).

А вотъ еще одинъ примѣръ:

У Мицкевича:

Lekko mi! *rzeżwo*! *lubo*! wiem, co to byc ptakiem,

въ переводѣ же:

Мнѣ *любо* и *легко* быть птицей оолаковъ (стр. 141)

Стихи перевода въ общемъ довольно плавны, благозвучны и музыкальны, однако не въ такой степени, какъ стихи польскаго поэта. Рѣдко случается также, чтобы ясность мысли и выраженія была принесена въ жертву внѣшней формѣ стиха, какъ напр. на стр. 15, стк. 10—11 св.:

Онъ отвращалъ лицо, *стѣснялась словъ свобода*,
Онъ становился вновь безчувственъ. *нѣмъ* и глухъ,

или напр. стр. 16, стк. 7—8 сн.:

Улыбки и слѣда,
Какъ смертнаго грѣха, лицо его боится,

или же стр. 42, стк. 12 св.:

Вамъ нищій жертвуетъ, *онъ* пѣсню предлагаетъ,

или стр. 76, стк. 12—15 снизу:

Ужъ утромъ подошелъ онъ къ городскимъ валамъ,
Увидѣлъ чью-то тѣнь, и сталъ въ недоумѣньи,
Обходитъ тѣнь кругомъ, чуть слышно по снѣгамъ,
Скользитъ все далѣе.....

въ двухъ послѣднихъ стихахъ подлежащее — слово *тѣнь*, а не *онъ* (Конрадъ), какъ слѣдовало бы полагать.

Если г. Семеновъ «руководился желаніемъ познакомить русскихъ читателей съ красотами хотя немногихъ стихотвореній» Мицкевича, то было необходимо объяснить русскому читателю непонятныя для него слова, какъ напр.: *сигмунтовка* (стр. 87, стк. 9 св.), или отрывки самыхъ стихотвореній, какъ напримѣръ, слѣдующій:

Вѣдь чернолѣсскою той липой въ оны лѣта
Былъ вдохновленъ Иванъ, вѣдь дубъ разсказчикъ тутъ
Казацкому пѣвцу такъ чудно напѣваетъ (стр. 94, стк. 4—6 сн.).

Стоило бы тоже сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ поэта къ Г. Головинской, М. Шимановской, Б. Залѣскому и др., о которыхъ онъ упоминаетъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Между тѣмъ г. Семеновъ очень скупъ на примѣчанія и, какъ кажется, потому что самъ онъ мало знакомъ съ біографіею и отношеніями поэта: едвали ли не въ каждомъ «примѣчаніи переводчика» найдешь какую-нибудь ошибку или неточность. Въ примѣчаніи на стр. 7 ошибочно сказано, что «Конрадъ Валленродъ напечатанъ въ первый разъ *въ Москвѣ*» (въ дѣйствительности же—

въ С.-Петербургѣ). На стр. 130 переводчикъ заявляетъ, что эпиграмма «Маріи П.» переведена «съ рукописи», между тѣмъ она напечатана въ I томѣ, стр. 197, парижскаго изданія произведеній Мицкевича 1880 года. Эта Марія П. называлась Путкамеръ, рожденная Верещака, а не Верещакъ, какъ тамъ же (стр. 130, примѣчаніе 2-е) говоритъ г. Семеновъ. Женихъ Луизы Мацкевичъ, имя и фамилія котораго обозначены въ примѣчаніи на стр. 131 буквами: «I. Ц.», назывался Игнатій Ходзько.

Изданіе переводовъ вполнѣ удовлетворительно и даже изящно. Заботы и стараніе переводчика о рисункахъ къ поэмѣ «Конрадъ Валленродъ» по идеѣ и замыслу самого поэта (ср. стр. 165—169) заслуживаютъ полнѣйшаго одобренія. Опечатокъ мало, важнѣйшая изъ нихъ: стр. 117, стк. 2 сн., слѣдуетъ читать: *тамъ*, вмѣсто *такъ*. Что же касается знаковъ препинанія, то на стр. 25, стк. 5 св., послѣ слова «чело» должна стоять запятая, точка же въ 5 строкѣ послѣ слова «нависла»; на стр. 151, стк. 4 сн., вмѣсто точки должна стоять запятая; нѣтъ запятой на стр. 89, стк. 2 св., между словами «Dawid Lucas» (это двѣ личности, не одна).

Вообще, г. Семеновъ достигъ цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду. Внѣшняя форма его переводовъ, насколько это было возможно, соотвѣтствуетъ формѣ стихотвореній Мицкевича; въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., баллада Альпухара, повѣсть вайделота) она совершенно та же. Его переводы стихотвореній Мицкевича въ общемъ очень вѣрны и, за немногими исключеніями, нѣтъ въ нихъ большихъ погрѣшностей и промаховъ; читатель можетъ составить себѣ по нимъ вѣрное понятіе о идеяхъ и духѣ польскаго поэта, насколько, конечно, они проявляются въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя вошли въ сборникъ. Не всѣ переводы однако въ одинаковой степени удачны; нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то: отдѣльныя части или отрывки поэмы «Конрадъ Валленродъ», въ особенности же: Вступленіе, III-я часть, пѣсня вайделота, повѣсть вайделота, отрывокъ изъ поэмы «Панъ Тадеей», два послѣдніе отрывка касиды «Фарисъ», ода на молодость,

Къ.... (Когда бъ я лентой сталъ), три послѣднія строфы стихотворенія «Сонъ», затѣмъ стихотворенія: «Въ альбомъ Г. Головинской», «Въ альбомъ» и «Маріи Шимановской», наконецъ «Крымскіе сонеты», въ особенности же I, IX, XV, XVI и XVII-й, въ полномъ смыслѣ слова образцовые и едва ли можно было бы перевести ихъ лучше. Въ остальныхъ довольно много неточностей, вслѣдствіе чего колоритъ ихъ слабѣе, языкъ мѣстами не отличается такою изобразительностью и живостью, какъ языкъ подлинныхъ стихотвореній, по нимъ нельзя имѣть надлежащаго и вполнѣ вѣрнаго понятія о силѣ полета и богатствѣ поэтической фантазіи польскаго поэта. Лучше переведены г. Семеновымъ лирическіе и описательные отрывки, хуже — отрывки, исполненные драматизма; въ послѣднихъ сила чувства и выраженія не воспроизведена съ надлежащею вѣрностью и рельефностью. Читая переводы г. Семенова и сравнивая ихъ съ подлинными стихотвореніями, получаемъ впечатлѣніе, что переводчикъ не съ одинаковымъ вниманіемъ отнесся ко всѣмъ переводимымъ стихотвореніямъ, но какъ переводчикъ-любитель увлекался болѣе тѣми, которыя лучше нравились ему; болѣе старался понять всѣ оттѣнки мысли и выраженій послѣднихъ и старательнѣе отдѣлывалъ ихъ переводы. Но какъ бы то ни было, переводы г. Семенова слѣдуетъ признать плодомъ поэтическаго дарованія и художественнымъ произведеніемъ. На мой взглядъ, они лучше всѣхъ прочихъ переводовъ стихотвореній Мицкевича на русскій языкъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Разборъ стихотвореній С. Я. Надсона, составленный графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ [1]).

«Стихотворенія» г. Надсона могутъ по справедливости быть причислены къ лучшимъ поэтическимъ произведеніямъ молодой плеяды русскихъ поэтовъ, выступившихъ на литературное поприще съ начала 70-хъ годовъ. Страдая несовершенствомъ формы и однообразіемъ настроенія и содержанія, стихотворенія г. Надсона тѣмъ не менѣе носятъ на себѣ печать, хотя и не крупнаго, но несомнѣннаго дарованія, которое, подъ непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшаго саморазвитія и самоусовершенствованія, можетъ и даже должно со временемъ возвыситься надъ уровнемъ посредственности. Стихотворенія эти, при многихъ недостаткахъ, положительно талантливѣе всѣхъ произведеній поэтовъ послѣдней формаціи и весьма пріятно отличаются отъ этихъ произведеній искренностью и теплотою вложеннаго въ нихъ чувства, а также относительно болѣе обработанною формой.

Книга «Стихотвореній» [2]) содержитъ въ себѣ до 66 пьесъ, изъ

---

[1]) Обстоятельства не позволили гр. Кутузову во-время представить въ Академію Наукъ этотъ разборъ, написанный имъ по просьбѣ Второго ея Отдѣленія. Тѣмъ не менѣе, Отдѣленіе, принявъ съ благодарностью этотъ трудъ, полученный уже послѣ отпечатанія предыдущихъ рецензій, признало полезнымъ приложить его къ настоящему отчету.

[2]) Т. е. 4-ое изданіе ея, которымъ пользовался рецензентъ.

которыхъ огромное большинство принадлежитъ по объему къ такъ называемымъ мелкимъ стихотвореніямъ, а по содержанію — къ области поэзіи лирической. Только въ двухъ поэмахъ — «Іуда» и «Христіанка» и въ нѣсколькихъ отрывкахъ поэтъ даетъ намъ образцы своего повѣствовательнаго творчества, по которымъ съ большимъ вѣроятіемъ можно предсказать, что эпическая поэзія навсегда останется чуждою таланту г. Надсона. Чтобы не возвращаться впослѣдствіи къ этимъ поэмамъ, мы теперь же, въ нѣсколькихъ словахъ, изложимъ наше о нихъ мнѣніе.

Какъ «Іуда», такъ и «Христіанка» очевидно принадлежатъ даже не къ юношескимъ, а къ дѣтскимъ произведеніямъ поэта и вѣроятно включены въ сборникъ съ единственною цѣлью утолстить книгу до объема, опредѣленнаго закономъ для безцензурныхъ изданій. Первая поэма изображаетъ крестную смерть Христа и погибель Его предателя; вторая — Римъ временъ Нерона, мученическую смерть христіанской дѣвушки и обращеніе въ христіанство влюбленнаго въ эту дѣвушку молодого патриція Альбина.

Въ обѣихъ поэмахъ читатель тщетно сталъ бы искать восточной или южной природы, древней жизни и приблизительно точнаго изображенія историческихъ лицъ. Въ поэмѣ «Іуда» обличается даже незнакомство автора съ евангельскимъ повѣствованіемъ. Такъ, напримѣръ, кровавый потъ струится съ чела Христа не въ Геѳсиманскомъ саду, а на крестѣ; Іуда, придя ночью на Голгоѳу, находитъ двухъ разбойниковъ еще висящими на крестахъ, въ то время, какъ Христосъ уже снятъ и погребенъ — что́ противорѣчитъ евангельскому сказанію объ одновременномъ снятіи всѣхъ трехъ тѣлъ вечеромъ *«дабы не оставить тѣлъ на крестѣ въ субботу»*. Потокъ Кедронъ, почему-то называемый авторомъ «дальнимъ», изображается окруженнымъ какими-то горами и дремучимъ лѣсомъ, «гдѣ вѣчно мгла царитъ, куда заря не проникаетъ» — тогда какъ въ дѣйствительности ручей этотъ протекалъ и протекаетъ въ мѣстности, совершенно лишенной растительности близъ самого Іерусалима, гдѣ на бе-

регу его и находился, донынѣ отчасти сохранившійся, небольшой Геѳсиманскій садъ. — Въ поэмѣ «Христіанка», описаніе спящаго Рима, дворца Нерона, цирка, «кипящаго пестрыми волнами черни», и Тибра, который

.....«блестящей полосою
Катясь межъ темныхъ береговъ,
Шумитъ задумчивой *струею*
Въ даль убѣгающихъ валовъ» —

могло бы, съ перемѣною собственныхъ именъ, быть отнесено къ какому угодно городу и къ какой угодно рѣкѣ, такъ въ этомъ описаніи все безцвѣтно, безхарактерно и лишено мѣстнаго и историческаго колорита. Дѣйствующія лица говорятъ совершенно несвойственнымъ имъ, современнымъ и даже плохимъ языкомъ. «Прочь непорочное видѣнье!» восклицаетъ Іуда, обращаясь къ преслѣдующему его «роковому призраку» Христа, «измятому пыткой и презрѣньемъ».

Уйди, не мучь больную грудь;
Дай *хоть на часъ, хоть на мгновенье*
Не жить, не помнить, ни дохнуть!

Христіанка держитъ передъ смертью такую рѣчь:

Въ послѣдній разъ я открываю
Мои дрожащія уста.
Прости, о Римъ, я умираю
За вѣру въ *моего* Христа
И въ эти *смертныя* мгновенья,
Моимъ прощая палачамъ,
За нихъ послѣднія моленья
Несу я *къ горнимъ небесамъ!*

Эпитеты большею частью или не вѣрны (какъ напр. *звонкій* сводъ тюрьмы, луны *капризное* сіянье, *смертныя* мгновенья, *примиренныя* слезы), или крайне шаблонны и служатъ только для риѳмы и пополненія стиха, никогда не придавая изображенію

предмета, къ которому относятся ни ясности, ни полноты: *нѣмое* молчанье, *глухое* страданье, *святое* желанье и т. п. Погрѣшности противъ формы стихосложенія въ обѣихъ поэмахъ довольно многочисленны: встрѣчаются такія риѳмы, какъ «*креста*» и «*лица*»; правильное чередованіе стиховъ съ мужскими и женскими окончаніями часто нарушается непріятнымъ сосѣдствомъ двухъ окончаній однородныхъ, хотя и не риѳмующихъ между собою:

Быть можетъ, тайный ученикъ,
Склонясь усталой головою,
Къ кресту учителя приникъ
Съ тоской и страстною мольбою;
Быть можетъ, грѣшникъ непрощенный
Сюда, измученный, спѣшилъ
И здѣсь, колѣнопреклоненный,
Свое раскаянье излилъ?
Нѣтъ, то Іуда!... не съ *мольбой* и т. д.

или:

Погибъ Іуда — онъ *не снесъ*
Огня глухихъ своихъ страданій;
Погибъ безъ *примиренныхъ* слезъ,
Безъ сожалѣній и *желаній;* (?)
Но до послѣдняго мгновенья и т. д.

Наконецъ нѣкоторые стихи и выраженія вовсе лишены смысла, или построены до такой степени неправильно, что о смыслѣ можно только догадываться. Напримѣръ: «мѣсяцъ сверкалъ задумчивымъ сіяньемъ» — «Шумитъ вѣтвями лѣсъ — *гордый великанъ полей*». — «Циркъ вздрогнулъ, зашумѣлъ, очнулся, какъ лѣсъ *осеннею грозой*» — «И вмигъ всеобщее движенье смѣнилось мертвой тишиной, *какъ дань нѣмаго восхищенья предъ неземною красотой*» — «Глубокой древности сказанье *прошло сѣдыя времена*».... Впрочемъ, если бы мы вздумали не пропускать безъ указанія ни одной погрѣшности въ разбираемыхъ поэмахъ, намъ пришлось бы выписать ихъ обѣ цѣликомъ. Нужно ли при-

бавлять, что психологическая правда характеровъ, правильная постановка и развитіе дѣйствія, равно какъ и соразмѣрность частей въ повѣствованіи совершенно отсутствуетъ? Приведенныхъ отрывковъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ достаточно, для того, чтобы составить себѣ довольно точное понятіе о достоинствѣ поэмъ г. Надсона.

Лирическія стихотворенія, занимающія бо́льшую часть его книги, въ значительной степени удовлетворительнѣе его эпическихъ поэмъ. При разборѣ этихъ стихотвореній, мы прежде всего займемся разрѣшеніемъ вопроса: насколько авторъ владѣетъ стихотворной формой? Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, обыкновенно упускается изъ вида современною критикой, обращающей не только преимущественное, но даже исключительное вниманіе на содержаніе поэтическихъ произведеній и на излагаемыя въ нихъ идеи. Прямымъ послѣдствіемъ такого односторонняго взгляда на поэзію является не только паденіе стихотворнаго искусства, но и утрата яснаго пониманія — въ чемъ заключается совершенство формы и какимъ требованіямъ послѣдняя должна удовлетворять? Требованія эти доведены въ настоящее время до минимума: если стихотвореніе написано съ приблизительно правильными ріѳмами и если стихи дѣлятся на правильныя стопы безъ слишкомъ грубой перестановки ударе́ній въ словахъ — критика считаетъ себя, съ формальной стороны, вполнѣ удовлетворенной. Между тѣмъ для дѣйствительнаго совершенства формы требуется много условій и притомъ такихъ, которыя несравненно сложнѣе и достигаются съ бо́льшимъ трудомъ, нежели правильность ріѳмъ и стопосложенія. Къ такимъ условіямъ (кромѣ общеобязательной правильности языка) принадлежатъ: благозвучіе и плавность стиха, какъ послѣдствіе искуснаго сочетанія и обдуманной разстановки словъ; умѣстное пользованіе цезурой, часто необходимой для слухового впечатлѣнія; интензивность — то есть сжатость въ соединеніи съ силой при начертаніи образа или зложеніи имысли; наконецъ, правильное архитектурное построеніе — то есть, соразмѣрность и гармонія

всѣхъ частей поэтическаго произведенія, послѣдствіемъ которыхъ является цѣлостность художественнаго впечатлѣнія. Приложивъ эти требованія къ сочиненіямъ г. Надсона, мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ: стопосложеніе у него въ большинствѣ случаевъ вполнѣ правильно; риѳмы, за рѣдкими исключеніями, звучны и даже богаты, при чемъ злоупотребленіе наглагольными встрѣчается только въ двухъ вышеупомянутыхъ неудачныхъ поэмахъ. Мы нашли въ сборникѣ стихотвореніе, подъ названіемъ «Въ глуши», которое, относительно красоты и богатства риѳмъ, можно по справедливости назвать образцовымъ. Вотъ отрывки изъ этой превосходной пьесы:

Горячо наше солнце безоблачнымъ днемъ:
Подъ лучами его раскаленными
Все истомой и нѣгой объято кругомъ,
Все обвѣяно грезами сонными....
Спитъ глухой городокъ; не звучатъ голоса,
Не вздымается пыль подъ копытами;
Неподвижно и ярко рѣки полоса,
Извиваясь, сквозитъ за ракитами....
. . . . . .
Я люблю эту тишь . . . Я люблю надъ рѣкой,
Гдѣ она изогнулась излучиной,
Утонувши въ травѣ, подъ тѣнистой листвой
Отдохнуть въ забытьи утомленной душой,
Шумной жизнью столицы измученной....
Я лежу и смотрю.... Я смотрю, какъ горитъ
Крестъ собора надъ старыми вязами,
Какъ рѣка предо мною беззвучно бѣжитъ,
Загораясь подъ солнцемъ алмазами, и т. д.

Покойные поэты Некрасовъ и гр. Алексѣй Толстой, какъ извѣстно, весьма небрежно относились къ риѳмѣ, часто довольствуясь приблизительными созвучіями, которыя при отчетливомъ чтеніи производятъ на слухъ самое непріятное впечатлѣніе.

Дурной примѣръ, поданный людьми весьма даровитыми и стяжавшими славу, оказался заразителенъ: молодые поэты почти сплошь стали пренебрегать риѳмою и — какъ это всегда бываетъ — зашли гораздо далѣе своихъ учителей; намъ довелось не очень давно въ произведеніи одного молодого стихотворца, пользующагося нѣкоторой извѣстностью, натолкнуться на стихи, въ которыхъ слово «*валовъ*» должно риѳмовать со словомъ «*любовъ*». Нельзя поэтому не поставить въ особую заслугу г. Надсону, что въ этомъ отношеніи онъ не поддался общему теченію и остался вѣренъ преданіямъ той эпохи русской литературы, когда поэты безпрекословно подчинялись болѣе строгимъ требованіямъ. Правда—для соблюденія правильности въ риѳмахъ, онъ часто вставляетъ въ стихи лишнія слова, ненужные и неточные эпитеты; но этотъ недостатокъ, обличающій лишь молодость и неопытность автора, во всякомъ случаѣ простительнѣе сознательнаго отрицанія правилъ и хвастливой небрежности, способной погубить дарованіе, даже несравненно болѣе крупное, нежели то, которымъ обладаетъ г. Надсонъ.

Лучшія стихотворенія сборника, проникнутыя неподдѣльнымъ вдохновеніемъ и лирическимъ чувствомъ (о нихъ рѣчь впереди), почти всѣ благозвучны и плавны. Очевидно, поэту было бы не особенно трудно достигнуть того же и въ прочихъ своихъ произведеніяхъ, если бы онъ относился съ бо́льшимъ вниманіемъ къ внѣшней обработкѣ. Къ сожалѣнію, онъ очень часто жертвуетъ, для своего удобства, благозвучіемъ и плавностью стиха, нагромождаетъ свистящіе и шипящіе звуки, допускаетъ сосѣдство нѣсколькихъ риѳмующихъ между собою или однотонныхъ словъ, наконецъ рѣшительно пренебрегаетъ цезурой. На любой страницѣ сборника можно встрѣтить сочетанія словъ, подобныя нижеслѣдующимъ: «Съ первыхъ *же шаговъ*; *душу жжетъ; и сила слышится и смѣхъ*; чье *жъ сердце* на *русскую скорбь* отзовется — предъ *нимъ я нѣмъ*». — Или подобные стихи: «Лишь не дѣлить съ *толпой пустой* ея удѣлъ». «Плоды *моихъ* нѣмыхъ и тайныхъ вдохновеній». «Огня глухи*хъ* свои*хъ* страданій». — Въ стихотво-

реніяхъ, написанныхъ шестистопнымъ хореемъ, почти сплошь отсутствуетъ цезура и въ результатѣ получается неудобочитаемая проза, въ родѣ слѣдующей:

Нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова.

или:

О, какъ онъ усталъ!... Какой прошелъ далекій и т. д.

Намъ тѣмъ болѣе досадно было встрѣтить въ сочиненіяхъ г. Надсона такія погрѣшности, что устраненіе ихъ, вообще не требующее большихъ усилій, было бы для него особенно легко: стихотворенія въ родѣ вышеуказанной пьесы «Въ глуши» свидѣтельствуютъ о природной способности поэта къ изящной отдѣлкѣ своихъ произведеній; все дѣло, стало быть, въ трудѣ и вниманіи, безъ которыхъ и величайшіе поэты не могли бы ничего создать, кромѣ импровизацій, быть можетъ, весьма блестящихъ, но далеко не удовлетворяющихъ требованіямъ строгаго искусства.

Въ отличіе отъ предыдущихъ условій совершенства формы,— то, что мы назвали *интензивностью* стиха, иначе говоря, его впечатляющая сила, хотя и принадлежитъ несомнѣнно къ внѣшнимъ качествамъ поэтическаго творчества, но, по нашему мнѣнію, не зависитъ отъ степени приложенныхъ къ произведенію труда, вниманія и литературной опытности и обусловливается почти исключительно особымъ природнымъ даромъ, отсутствіе котораго должно быть отмѣчено критикой, но отнюдь не можетъ быть поставлено автору въ вину. Г. Надсонъ не обладаетъ этимъ даромъ; при изложеніи мысли или начертаніи образа онъ не схватываетъ сразу существенныя черты и выраженія, а отыскиваетъ ихъ, какъ бы ощупью, при чемъ не однажды возвращается къ одной и той же идеѣ, излагая ее различными способами и предоставляя читателю самому судить, который изъ этихъ способовъ лучше другихъ. Для уясненія нашего замѣчанія, мы ограничимся однимъ только примѣромъ, хотя въ сборникѣ ихъ могло бы найтись очень много:

Чуть останусь одинъ — и во мнѣ подымаетъ
Жизнь со смертью мучительный споръ,

И, какъ пытка, усталую душу терзаетъ
Ихъ старинный, немолчный раздоръ;
И не знаетъ душа, чьимъ призывамъ отдаться,
Какъ честнѣе задачу рѣшить:
То болѣзненно-страшно ей съ жизнью разстаться,
То страшнѣй еще кажется жить!

Приблизительно одна и та же мысль, съ весьма незначительными измѣненіями, повторяется въ восьми стихахъ четыре раза, ибо въ сущности не одно ли и то же будетъ означать, если мы скажемъ: во мнѣ жизнь со смертью подымаетъ споръ; или — мнѣ душу терзаетъ раздоръ жизни и смерти; или — душа не знаетъ чьему призыву отдаться — жизни или смерти; или, наконецъ, — душѣ то́ страшно разстаться съ жизнью, то́ страшно жить? — Такое пережевываніе мыслей, безъ всякой нужды удлиняя произведенія, дѣйствуетъ самымъ утомительнымъ образомъ на читателя. Не боясь впасть въ ошибку, мы можемъ сказать, что огромное большинство стихотвореній г. Надсона страдаетъ растянутостью и требуетъ значительныхъ сокращеній. Отъ такой работы выиграло бы и архитектурное построеніе стихотвореній, такъ какъ очень часто несоразмѣрная длина одной какой-либо части совершенно не соотвѣтствуетъ краткости другихъ частей, равносильныхъ по вложенному въ нихъ содержанію. Намъ невозможно въ этомъ краткомъ разборѣ подкрѣплять всѣ наши выводы примѣрами и многочисленными выписками. Мы ограничимся поэтому простымъ указаніемъ на пьесы, собранныя авторомъ въ особый отдѣлъ лирическихъ поэмъ. Въ нихъ всего легче усматривается указанное нами несоотвѣтствіе частей и отсутствіе заранѣе обдуманнаго плана, безъ котораго авторская мысль часто уклоняется въ сторону отъ главнаго предмета и невольно расплывается въ излишнихъ подробностяхъ.

Изъ всего вышеизложеннаго можно заключить, что г. Надсонъ владѣетъ, какъ говориться, стихомъ, но еще весьма далекъ отъ того совершенства, отъ той законченности внѣшней поэти-

ческой формы, образцы которыхъ намъ даны нашими поэтами тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, съ Пушкинымъ во главѣ.

Переходя затѣмъ къ содержанію поэзіи г. Надсона и къ опредѣленію внутреннихъ свойствъ его дарованія, мы должны сказать, что опредѣленіе это намъ кажется очень трудным, такъ какъ творчество г. Надсона положительно находится еще въ періодѣ первоначальнаго развитія, когда работа самоопредѣленія и непрестанное, заботливое нянченіе со своимъ собственнымъ *я* еще представляются дѣломъ чрезвычайно занимательнымъ и важнымъ. Даровитые писатели скоро переступаютъ черезъ эту стадію развитія и тогда только творчество ихъ принимаетъ окончательное поправленіе, опредѣляющее ихъ мѣсто въ литературѣ. Нашъ авторъ еще не освободился отъ юношеской страсти къ самовоспѣванію и самообожанію. Послѣднее вовсе не тождественно съ самовосхваленіемъ; напротивъ — оно очень часто принимаетъ форму строгаго обличенія своихъ недостатковъ и пороковъ, хотя изъ-подъ мрачной маски такого обличенія часто весьма наивно выглядываетъ молодое, гордое и свѣтлое восхищеніе передъ собственной особой.

Милый другъ, я знаю, я глубоко знаю,
Что безсиленъ стихъ мой блѣдный и больной!

восклицаетъ поэтъ въ искреннемъ порывѣ самообличенія, но изъ сознанія своего безсилія выводитъ совершенно неожиданное общее заключеніе:

Холоденъ и жалокъ нищій *нашъ* языкъ

(замѣтьте: *нашъ*, а не *мой*), и при этомъ пользуется случаемъ, чтобы указать на невозможность «вмѣстить въ размѣры тѣсныхъ строкъ» свой душевный міръ «со слезами о свободѣ и болью за идеалъ». Въ заключеніе поэтъ заявляетъ, что «подъ грозой борьбы и предъ лицомъ страданья» онъ не хочетъ и не можетъ молчать.

Изложивъ содержаніе этой пьесы, мы тѣмъ самымъ изло-

жили содержаніе доброй половины всѣхъ стихотвореній, заключающихся въ сборникѣ. Общій мотивъ ихъ таковъ: я — необыкновенное существо, я жажду

Нечеловѣчески-величественныхъ дѣлъ,
Нечеловѣчески-тяжелаго страданья,
Лишь не дѣлить съ толпой пустой ея удѣлъ....

Но меня «давитъ звонкій сводъ тюрьмы», меня останавливаетъ «желѣзною броней окованная дверь» и въ безплодной борьбѣ,

Богатствами души соря безъ сожалѣнья—

я напрасно растратилъ силы — «я не жилъ, а горѣлъ».—
Но какъ бы ни была тяжела и непривлекательна эта жизнь,

Я все провѣрилъ въ ней, боясь себѣ солгать
И нѣту для меня покоя и забвенья,
И вѣчно буду я бороться и страдать!

бороться, конечно, противъ «неправды и мрака» за «истину и свѣтъ». Тщетно стали бы мы искать болѣе точныхъ опредѣленій, болѣе ясныхъ картинъ и образовъ: поэтъ еще весь погруженъ въ туманную область юношескаго разочарованія и гражданской скорби, въ которой и плаваетъ, какъ рыба въ водѣ, вполнѣ довольствуясь повтореніемъ громкихъ словъ и общихъ мѣстъ либеральной фразеологіи. Чтобы избѣжать голословности, мы назовемъ цѣлый рядъ стихотвореній подобнаго рода: «Чуть останусь одинъ», «Опять вокругъ меня ночная тишина», «Какъ каторжникъ влачитъ оковы за собой», «Червякъ раздавленный судьбою», «И крики оргіи», «Я не щадилъ себя», «Безпокойной душевной жаждой томимъ» и др.

Не мало также стихотвореній въ сборникѣ посвящено опредѣленію отношеній поэта къ его «Музѣ». Муза эта оказывается старой и давно знакомой гостьей русской литературы, музой «мести и печали», съ тѣмъ однако довольно существеннымъ отличіемъ отъ некрасовской, что, давая, подобно послѣдней, себѣ са-

мой опредѣленіе, она однако это опредѣленіе ничѣмъ не оправдываетъ и требуетъ, чтобы ей повѣрили на́ слово: ни въ одномъ изъ многочисленныхъ стихотвореній сборника «месть и печаль» г. Надсона не выразились объективно, въ формѣ какого-либо повѣствованія, картины или образа, выхваченнаго изъ дѣйствительной жизни и озареннаго взглядомъ негодующаго, или скорбящаго поэта:

Окрыленнымъ мечтой сладкозвучнымъ стихомъ
Никогда не игралъ я отъ скуки;
Только то, что грозой пронеслось надъ челомъ,
Выливалъ я въ покорные звуки.

Такъ говоритъ поэтъ про свое творчество.

О, слѣпецъ!... Красотой я сіять не могла:
Не съ тобой ли я вмѣстѣ страдала?
Зависть первыя грезы твои родила,
Злоба — первую пѣснь нашептала....
Одинокой печали непонятый крикъ,
Слезы горя, борьба и лишенья —
Вотъ моя колыбель, — вотъ кипучій родникъ,
Блескъ и свѣтъ твоего вдохновенья!...

Такъ обращается къ поэту его Муза; но если бы на основаніи всѣхъ этихъ словъ мы стали искать въ стихотвореніяхъ г. Надсона дѣйствительнаго изображенія вышеупомянутыхъ грозъ, страданій, борьбы и лишеній, нашъ трудъ пропалъ бы даромъ: ничего подобнаго въ сборникѣ нѣтъ. Такой поразительный пробѣлъ невольно наводитъ читателя на размышленіе и порождаетъ вопросы: какимъ образомъ поэтъ могъ удержаться отъ желанія, хоть разъ, хоть мимоходомъ, изобразить и обличить то, что повергаетъ его въ печаль, или приводитъ въ негодованіе? Уже не напускныя-ли это чувства?

Такое невольное и вполнѣ законное сомнѣніе въ значительной мѣрѣ охлаждаетъ впечатлѣніе, производимое стихотвореніями г.

Надсона, и мы не рѣшились бы въ началѣ нашего разбора упомянуть объ его искренности, если бы, кромѣ перечисленныхъ и разобранныхъ нами пьесъ, въ сборникѣ не находилась группа иныхъ стихотвореній, къ сожалѣнію немногочисленная, но рѣзко отличающаяся отъ всего остального простотою и изяществомъ содержанія и неподдѣльною свѣжестью чувства, составляющей основу и сущность настоящей лирической поэзіи. Въ этихъ стихотвореніяхъ г. Надсонъ совершенно преображается: съ него слетаетъ покровъ искусственнаго мрака, напускной скорби и передъ читателемъ является чрезвычайно симпатичный и свѣтлый образъ поэта, съ чуткой и любящей душой, полной жизни и вдохновенья. Какъ мила, напримѣръ, слѣдующая незатѣйливая поэтическая картинка:

Жалко стройныхъ кипарисовъ —
Какъ они зазеленѣли!
Для чего, дитя, къ ихъ вѣткамъ
Привязала ты качели?
Не ломай душистыхъ вѣтокъ,
Отнеси качель къ обрыву
На акацію густую
И на пыльную оливу.
Тамъ и море будетъ видно:
Чуть доска твоя качнется,
А оно тебѣ сквозь зелень
Въ блескѣ солнца засмѣется,
Съ бѣлымъ парусомъ въ туманѣ,
Съ бѣлой чайкой вдаль летящей,
Съ бѣлой пѣною, каймою
Вдоль по берегу лежащей.

Пьеса эта, по звучности и легкости стиха, по чистотѣ поэтическаго рисунка и простотѣ свѣтлаго настроенія, напоминаетъ лучшія въ этомъ родѣ, произведенія нашего извѣстнаго поэта

Я. П. Полонскаго, воспоминаніемъ о которыхъ, быть можетъ, оно и навѣяно.

Искреннее чувство тоски по родинѣ и чуткое пониманіе природы звучатъ въ двухъ стихотвореніяхъ, помѣченныхъ 1885-мъ годомъ въ Ниццѣ и Ментонѣ — «Снова лунная ночь, только лунная ночь на чужбинѣ» и «Я приглядѣлся къ ней, къ нарядной красотѣ». Мы выписываемъ конецъ второго стихотворенія:

. . . . . Но чуть въ груди моей замолкло восхищенье, —
Природы снова сталъ понятенъ мнѣ языкъ
И снова жизни въ ней услышалъ я біенье:
Я не спѣшу теперь разглядывать ее,
Какъ незнакомую красавицу при встрѣчѣ,
Но, словно другъ въ ея вникаю бытіе
И слушаю давно знакомыя мнѣ рѣчи, —
Тѣ рѣчи, что слыхалъ на родинѣ моей
Когда одинъ, съ ружьемъ бывало въ полдень мглист
Бродилъ въ болотахъ я, терялся средь полей,
Иль лѣсомъ проходилъ по прдскѣ тѣнистой.

Къ этой группѣ мы причисляемъ еще слѣдующія пьесы: «Въ глуши», «Да, хороши онѣ, Кавказскія вершины», «О любви твоей, другъ мой, я часто мечталъ», «Rêverie, Закралась въ уголъ мой тайкомъ», «Въ тѣни задумчиваго сада» и наконецъ небольшую лирическую поэмку «Страничка прошлаго», написанную въ формѣ письма, въ которой встрѣчается много изящныхъ подробностей, хотя въ общемъ поэма растянута и заключаетъ въ себѣ нѣсколько неправильныхъ по формѣ стиховъ.

Достойно замѣчанія, что почти всѣ эти стихотворенія написаны или за границей, или на Кавказѣ — т. е. въ отдаленіи отъ той среды, въ которой г. Надсонъ обыкновенно живетъ и вращается. Обстоятельство это наводитъ на мысль, что творчество г. Надсона, освобожденное отъ постороннихъ вліяній и предоставленное самому себѣ, при нѣкоторомъ разнообразіи внѣшнихъ впечатлѣній, немедленно расправляетъ крылья и пріобрѣтаетъ вы-

соту и силу полета, свойственныя только истиннымъ дарованіямъ. Едва ли когда-нибудь г. Надсонъ сдѣлается эпическимъ поэтомъ: слабость эпитетовъ и отсутствіе образности въ его произведеніяхъ даютъ намъ полное основаніе къ такому выводу; но въ поэзіи лирической онъ можетъ со временемъ достигнуть значительной степени совершенства; сумѣетъ ли и захочетъ ли поэтъ освободиться отъ тяготѣющаго надъ нимъ въ настоящее время ига тенденціи и выйти на самостоятельную дорогу — вопросъ будущаго, и разрѣшать его мы не беремся. Если же насъ спросятъ: обладаетъ ли г. Надсонъ поэтическимъ дарованіемъ и можетъ ли это дарованіе со временемъ внести достойный вкладъ въ сокровищницу русской литературы? — мы скажемъ, что сборникъ подаетъ въ этомъ отношеніи большія надежды.